

Шу Цзун

坤宁

История
Двора
Куньнин

1

18+

История дворца Куньнин

Ши Цзин

История дворца Куньнин. Книга 1

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.581-31
ББК 84(5Кит)-44

Цзин Ш.

История дворца Куньнин. Книга 1 / Ш. Цзин — «Издательство АСТ», 2021 — (История дворца Куньнин)

ISBN 978-5-17-183087-8

Она добилась всего – и потеряла все. Цзян Сюэнин стала императрицей, но роскошь дворца обернулась для нее ловушкой, а путь к власти – чередой ошибок. После гибели она получает второй шанс и возвращается в прошлое. Теперь девушка намерена держаться подальше от дворца и изменить свою судьбу. Но прошлое не дает ей уйти: старые знакомые и давно назревший заговор вновь втягивают ее в водоворот интриг и в тайну, способную перевернуть империю. Используя знание прошлого, Цзян Сюэнин пытается спасти тех, кто ей дорог. Вот только можно ли обмануть судьбу или за каждый выбор придется заплатить снова?

УДК 821.581-31

ББК 84(5Кит)-44

ISBN 978-5-17-183087-8

© Цзин Ш., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Глава 1. Солнечный свет на снегу	7
Глава 2. Янь Линь	13
Глава 3. Возвращение домой	17
Глава 4. С барышней все хорошо	23
Глава 5. Се Вэй	28
Глава 6. Юношеские чувства	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ши Цзин
История дворца Куньнин. Книга 1

1

A Lady's Tranquility Vol. 1

##

Shi Jing

Иллюстрации обложке и форзацах *Kaminary.art*

Published originally under the title of ##### (A Lady's Tranquility)

Copyright © ## (Shi Jing)

Russian edition rights under license granted by ##### (Beijing Jinjiang Original Network Technology Co. Ltd)

Russian edition copyright

© 2026 AST Publishers LTD

Russian Edition arranged through JS Agency Co., Ltd

All rights reserved.

© Фокина Е. Ю., перевод на русский язык, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Глава 1. Солнечный свет на снегу

– Когда я была маленькой, матушка Вань рассказала, что самая знатная и почитаемая женщина в Поднебесье – это императрица, а живет она во дворце, который называется Куньнин¹. Я спросила: «Какой он, этот дворец?» Матушка Вань ответила, что и сама не знает. Я сидела под дырявой крышей деревенского дома и думала: вот бы обернуться дикой гусыней, долететь до роскошной столицы, найти там Запретный город² и своими глазами увидеть те чертоги. Как же мне хотелось туда!

Ворота дворца Куньнин были заперты, только окно слева оставалось приоткрытым. Небо нахмурилось, солнечный свет потускнел. Оживленные и шумные залы обезлюдели: нигде ни одной служанки. Цзян Сюэнин, выпрямив спину, стояла на коленях перед столом. Держа тонкими белыми пальцами палочку, она осторожно поправляла благовония в позолоченной курильнице в виде горы Бошань³. Из прорезей лениво поднимались струйки дыма, напоминавшие шелковые нити. Расшитые золотыми фениксами рукава одеяния ниспадали на пол, затейливые облачные узоры на дорогой ткани мерцали в полумраке.

– Я и впрямь попала в столицу. Небеса сыграли со мной злую шутку: вложили в сердце дерзкую, недопустимую мечту, но вырастили в деревенской глуши, среди полей, не привив ни благородных манер, ни утонченного лоска добродетельных знатных барышень, а потом швырнули меня в этот мир пышной роскоши, в самую гущу борьбы, одарив лишь красивым лицом.

Внешность Цзян Сюэнин была поистине ослепительной – яркой, как цветущий лотос. Изыщные брови, приподнятые уголки глаз, алые губы, словно тронутые киноварью, – все в ее облике дышало естественной прелестью и врожденным очарованием. За годы пребывания на вершине власти, с печатью императрицы в руках, она приобрела неповторимую величавую сдержанность. Стоило ей скромно потупить взор – и сердца окружающих трепетали.

Ю Фаньинь молча стояла чуть позади, уже давно слушая ее голос, едва различимый, как пылинки, кружившие в воздухе. Вспоминая, что весь мир видел в Цзян Сюэнин женщину,

---

¹ Дворец Куньнин, или дворец Земного спокойствия (*кит. ###*), – один из трех главных дворцов Внутреннего двора Запретного города в Пекине, служивший резиденцией императриц при династиях Мин (1368–1644) и Цин (1644–1911). В Китае земля традиционно соотносится с женским началом, а небо – с мужским. (*Здесь и далее примечания переводчика.*)

² Запретный город (*кит. ###*) – дворцовый комплекс XV в. в Пекине, служивший императорской резиденцией с 1420 по 1912 гг. Вход в него был закрыт для простых подданных.

³ Гора Бошань (*кит. ##*) – в китайской традиции мифическая гора, связанная с даосскими представлениями о бессмертных и загробном мире. Крышки ритуальных курильниц делали в форме горных пиков, среди которых были спрятаны отверстия для дыма.

одержимую интригами, жадной богатства и славы, она ощущала смятение. В груди поднималась необъяснимая горечь. Обе девушки знали: императрице уже не спастись.

Неожиданно Цзян Сюэнин улыbnулась:

– Фаньинь, я все время думаю: вдруг я и правда совершила ошибку?

В детстве ее воспитывала матушка Вань. О своем происхождении Цзян Сюэнин тогда не знала. Росла вольной, как дикая птица. Резвилась среди лугов и холмов. Только запах румян этой женщины мог заманить ее обратно домой.

Матушка Вань была из тех, кого называли худыми кобылами⁴, – истинной женщиной среди женщин. Она говорила, что мир принадлежит мужчинам и лишь мужчины способны его покорить, поэтому женщинам достаточно завоевать мужчин – и тогда мир падет к их ногам.

Проделав долгий путь, Цзян Сюэнин приехала в столицу и познакомилась с молодым господином Янь Линем. Тот был сыном почтенного Янь Му, носящего титул Юньи-хоу⁵. Переодетая юношей, она бродила с молодым человеком по городу. Вместе они беззаботно шалили и веселились, словно друзья, неразлучные с детства. Даже родители Цзян Сюэнин предпочитали не вмешиваться, глядя на девочку, что кидается зелеными сливами, и на мальчика, скачущего вокруг на бамбуковой лошадке⁶. Однако позднее отец Янь Линя оказался замешан в деле о мятеже Пиннань-вана⁷, и семью Юньи-хоу сослали за тысячи ли. Ночью накануне своего совершеннолетия⁸ юноша перелез через высокую ограду усадьбы Цзянов, крепко сжал руку Цзян Сюэнин и хриплым голосом произнес:

– Нин-нин⁹, жди меня. Я непременно вернусь и женюсь на тебе.

– Я выйду за Шэнь Цзе, – ответила девушка. – Хочу стать императрицей.

Она до сих пор помнит, как посмотрел на нее Янь Линь: с пронзительной болью, словно загнанный зверь. Глаза налиты кровью, челюсти стиснуты до предела. В ту ночь юноша утратил былую наивность и повзрослел. Отпустив руку барышни, он скрылся во тьме, ни разу не обернувшись.

Цзян Сюэнин вышла замуж за Шэнь Цзе и спустя пять лет стала императрицей. Восхождение к трону далось нелегко. За короткую жизнь ей довелось повстречать немало людей, подобных Янь Линю, от которых она отказалась, двигаясь к цели. Среди них был помощник главы Палаты чинов Сяо Динфэй, командующий Тайной стражей¹⁰ Чжоу Иньчжи и старшая принцесса Лэян¹¹ по имени Шэнь Чжи, позднее погибшая от рук варваров...

Но никто не ожидал, что однажды тот самый юноша вернется во главе армии. Одержав победу в пограничных землях, Янь Линь примкнул к Се Вэю, под предлогом «избавления госу-

⁴ «Худая кобыла» (*кит. ##*) – устойчивое выражение, которое обозначает девушку из обнищавшего рода, вынужденную стать наложницей, певичкой или куртизанкой.

⁵ Хоу (*кит. #*) – один из пяти аристократических рангов и второй по значимости наследственный титул в Древнем Китае, как правило даруемый за боевые заслуги и преданность трону. Почетное именование титула Юньи (*кит. ##*) переводится как «смелый и стойкий». В Древнем Китае часто обращались по титулу, а не по имени.

⁶ «Зеленые сливы, бамбуковые лошадки» (*кит. #####*) – устойчивое выражение, которое восходит к стихотворному циклу Ли Бо (701–762) «Чанганьские мотивы», где идет речь о паре детей, выросших вместе, с намеком на первую невинную влюбленность.

⁷ Ван (*кит. #*) – высочайший титул в аристократической иерархии Древнего Китая, обычно жалуемый членам императорской семьи или особо отличившимся военачальникам. Почетное именование титула Пиннань (*кит. ##*) переводится как «усмиритель Юга» и свидетельствует о том, что его пожаловали по заслугам.

⁸ В Древнем Китае юноша считался совершеннолетним после достижения двадцати лет.

⁹ Удвоение односложного имени или одного из слогов двусложного имени в китайском языке служит уменьшительно-ласкательным обращением.

¹⁰ Речь о так называемой Страже в парчовых одеждах (*кит. ###*), основанной при династии Мин (1368–1644). Формально она охраняла двор, но фактически занималась тайным надзором, дознаниями и арестами по личному приказу императора.

¹¹ В китайской традиции родственники императора, помимо личного имени, получали также почетный титул, и он, в отличие от личного имени, использовался публично. Титул старшей принцессы (*кит. ###*) носила, как правило, сестра императора, которая обладала более высоким статусом, чем его дочери.

даря от дурных советников»¹² окружил столицу, захватил Запретный город и посадил Цзян Сюэнин под домашний арест. Императора Шэнь Цзе отравили, он оказался прикован к постели и окончательно утратил возможность управлять страной, а тем временем Янь Линь открыто входил в покои императрицы, каждый раз приказывая слугам удалиться. Порой от него сильно пахло вином, однако никто не смел возразить – ни при дворе, ни за его пределами. Все знали, что этот человек – правая рука Се Вэй. Когда тот устроил резню в императорских покоях, именно он охранял выходы, чтобы никто не сбежал. И позднее, едва Се Вэй приговорил род Сяо к истреблению до девятого колена, Янь Линь первым ворвался в запертый дом и выволок наружу всех: мужчин и женщин, стариков и детей.

Теперь он и Се Вэй, бывший негласный наставник императора¹³, стояли у ворот дворца Куньнин. Шэнь Цзе скончался, оставив указ, повелевавший вдове править из-за опущенной занавеси¹⁴. Однако мальчик из побочной линии императорского рода, провозглашенный наследником, так и не прибыл в столицу: по пути его захватили мятежники из секты Небесного учения и обезглавили, а голову выставили у городских ворот.

Настала очередь Цзян Сюэнин. Она медленно опустила и вновь подняла длинные густые ресницы, бросившие на лицо легкую тень. В ее отрешенном взгляде отражалось понимание: мир переменчив и совершенно непредсказуем. Ю Фаньинь с печалью смотрела, как девушка отложила палочку для благовоний, накрыла курильницу крышкой и взяла со стола квадратный ларец, обитый парчой. Внутри аккуратно лежала яшмовая императорская печать и свиток с именным указом, который она составила и скрепила печатью два часа назад. В нем говорилось, что она по собственной воле желает последовать за супругом в загробный мир, просит Се Вэй, бывшего негласного наставника императора и младшего наставника наследного принца¹⁵, послужить стране, взять на себя заботы о делах государства и посодействовать избранию достойного правителя.

Цзян Сюэнин подняла голову и поглядела в окно. Снег, шедший всю ночь, незаметно для всех прекратился. Слепящее солнце пронзило тяжелые тучи и яркими лучами осветило мрачные покои дворца.

– Если бы я раньше знала, чем все закончится, разве стала бы так изнурять себя суетными стремлениями? – прошептала девушка. – Лучше отправилась бы в дальнее странствие, повидала б необъятные горы и реки, пожила бы вольной птицей. А я ошиблась дорогой и попала во дворец, где роскошь обернулась коконом...

Подруга хранила молчание.

– Будь у тебя выбор, ты бы пришла сюда снова? – спросила Цзян Сюэнин.

Ю Фаньинь, дочь наложницы знатного бо¹⁶, была самой загадочной из всех, кого она знала. Глуповатая, жалкая девушка однажды упала в воду и совершенно перевернулась: осмелела, занялась коммерцией, сколотила состояние, стала заимодавцем и основала торговое объ-

¹² Цитата из канонического «Комментария Гуньяна» к летописи «Чунь цю» («Весны и осени»), автором которого считается ученый V в. до н. э. Гуньян Гао. Фраза использовалась как оправдание вооруженного вмешательства в дворцовые дела под предлогом устранения нечестивых приближенных ради защиты императора.

¹³ Наставник императора (*кит. ##*) – почетное звание, которым в Китае называли учителя императора. При династиях Мин (1368–1644) и Цин (1644–1912) это был высший почетный титул, присваиваемый выдающимся ученым, конфуцианским мыслителям или монахам, назначенным обучать императора классическим текстам и принципам правления.

¹⁴ Править из-за опущенной занавеси (*кит. ####*) – устоявшийся термин, описывающий ситуацию, при которой власть формально принадлежит императору, чаще несовершеннолетнему или больному, но фактически страной руководит вдовствующая императрица, назначенная регентом. Она сидела за занавесом, отделявшим ее от сановников, и вела дела от имени правителя.

¹⁵ Младший наставник (*кит. ##*) – почетный титул одного из наставников наследного принца.

¹⁶ Бо (*кит. #*) – один из пяти аристократических рангов и третий по значимости наследственный титул в Древнем Китае. Низший по старшинству после гуна и ху.

единение. За несколько лет она превратилась в самого влиятельного купца в округе Цзяннин¹⁷ и заслужила прозвище Ю Полгорода, что вовсе не было преувеличением. Вот только удача ее подвела: в придворной борьбе она выбрала не ту сторону, и, хотя потом поддержала Се Вэя, тот все равно ей не доверял и, в сущности, запер девушку в стенах дворца. Ю Фаньинь и Цзян Сюэнин вместе пережили столько горя, что под конец стали близкими друзьями и делились друг с другом всем без утайки.

Цзян Сюэнин слушала рассказы Ю Фаньинь о том, как та с нуля строила свое дело. Ее речи звучали непривычно и странно. Она жаловалась на варварские страны, в которых ей доводилось бывать по торговым делам: мол, даже паровые машины там еще не появились. Хотя что такое паровая машина, не знала и сама Цзян Сюэнин. Ю Фаньинь постоянно твердила, что родом она не отсюда, а из далекого места, куда нет возврата. Еще упомянула о некоем великом секрете прежней династии, который уберег бы тех, у кого есть голова на плечах, от ошибки в борьбе за власть. Жаль только, тайна открылась ей слишком поздно.

Ю Фаньинь тихо вздохнула с горькой усмешкой:

– Что за дерьмовая эпоха: вокруг сплошное убожество, да к тому же притесняют. Кому охота, пусть сам живет в такое время!

Цзян Сюэнин давно не слышала грубых слов и на миг растерялась, но вспомнила, который час, и громко крикнула:

– Господин Се!

На алой стене дворцовой ограды лежал ослепительно-белый снег, за воротами чернела плотная толпа, а сбоку стоял Янь Линь, держа руку на мече. Высокий человек во главе собравшихся не ответил на зов, но Цзян Сюэнин знала: он все слышит. Это был самый коварный человек в империи Цянь с личиной святого и сердцем демона. Наставник двух императоров и младший наставник наследного принца, он снискал почет и восхищение. Никто не догадывался, что за образом возвышенной добродетели – чистым, как ветер, и ясным, как луна, – скрывается кровожадная душа, насквозь пропитанная злобой. Меч, пожалованный ему государем в знак права вершить казнь по своему усмотрению, обагрился кровью императорской же семьи. После бойни, которую он устроил, воды защитного рва вокруг Запретного города покраснели. Его пальцы, прежде умело перебиравшие струны циня¹⁸ и водившие кистью, сжались на горле каждого, кто носил фамилию Сяо. Всюду громоздились зловещими горами мертвые тела случайных жертв. Это был единственный человек, которого Цзян Сюэнин так и не сумела расположить к себе, как ни старалась.

– Вы уничтожили императорскую семью, истребили род Сяо, расправились с сектой Небесного учения. В ваших руках власть и моя жизнь. По правде говоря, я не имею права что-либо просить. – По щеке Цзян Сюэнин неожиданно скатилась слеза и, упав на тыльную сторону ее ладони, оставила после себя мокрый след, напоминавший клеймо. – За свою жизнь я использовала многих людей. Но если вдуматься, Янь Линь уже отомстил мне за предательство, Сяо Динфэй и Чжоу Иньчжи возвысились благодаря мне, а Шэнь Цзе, которого я обманула, скоро встретит меня у Желтых истоков¹⁹. Я не в долгу перед ними...

Бурная жизнь Цзян Сюэнин, полная падений и взлетов, подошла к концу. Девушка медленно вытащила кинжал, спрятанный в рукаве. В холодном сверкающем лезвии отразились ее глаза и золотая заколка с подвесками, мерцавшая у виска. Цзян Сюэнин затрепетала. Ее голос тоже дрожал. Глаза наполнились влагой, но она не имела права на слезы.

---

¹⁷ Цзяннин (*кит. ##*) – историческое название Нанкина и его окрестностей в эпоху Мин и Цин.

¹⁸ Цинь – традиционный китайский щипковый инструмент, чаще всего семиструнный; считался олицетворением утонченной культуры и принадлежал к «четырем благородным занятиям» ученого.

¹⁹ Желтые истоки (*кит. ##*) – подземные родники, бьющие в загробном мире.

– Однако есть один человек... – Цзян Сюэнин выговаривала каждое слово так, точно записывала их собственной кровью. – На протяжении жизни он оставался чист, честен и строго следовал закону. Я же угрозами вынудила его свернуть с пути истины и опорочила доброе имя этого мужчины. Он достойный чиновник. Прошу господина Се вспомнить, как по дороге в столицу я напоила вас своей кровью, чтобы вы выжили. Позвольте же обменять мою жизнь на его. Прошу, подарите ему шанс на спасение...

Кто мог подумать, что холодная, бесчувственная, будто лишенная сердца императрица однажды пожертвует собой... ради ничтожного помощника главы Палаты наказаний? Действительно ли у нее не было сердца? Или просто никто не сумел его растопить?

Мужчина за воротами стоял не шелохнувшись. Лишь спустя долгое время он равнодушно произнес:

– Хорошо.

Его голос звучал, как всегда, приятно. Цзян Сюэнин с облегчением улыбку и решительно вскинула руку. Острое лезвие рассекло артерию на тонкой шее с таким звуком, словно порвался бумажный лист. Почти в тот же миг за воротами раздался лягг: видимо, кто-то вырвал меч.

Девушка упала, изысканная золотая подвеска ударилась о пол, и инкрустированный темно-красный рубин разлетелся вдребезги. Теплая кровь медленно потекла по холодным ступеням, точь-в-точь как мелкая речушка, в которой Цзян Сюэнин любила плескаться босиком в детстве. Она попала в Запретный город наперекор судьбе, и пышная роскошь обернулась для нее коконом. Дворец Куньнин стал девушке гробницей, поглотил душу и плоть, уничтожил ее до конца.

За окном выглянуло яркое солнце, и снег, засверкав, начал медленно таять.

* * *

Она долго спала. Во сне хаотично смешались, потеряв очертания, события прошлой жизни: причины и следствия, ошибки и расплата. Лишь одно ощущение Цзян Сюэнин помнила ясно: как лезвие рассекает горло. До чего же больно! Знала бы она заранее, выбрала бы менее мучительный способ лишиться себя жизни.

Что-то давило на грудь, мешая дышать. Девушка закашлялась, с трудом открыла глаза и испугалась. Она лежала на смятой постели между двумя мужчинами. Рядом почти вплотную спал юноша с изысканной и благородной внешностью. Цзян Сюэнин ощущала лицом его дыхание, и он даже посмел небрежно ее приобнять! Неслыханная вольность! Девушка похолодела от ужаса. Ей вспомнились дни, когда Янь Линь, вернувшись в столицу, держал ее под стражей и беззвучно входил в ее спальню, так что даже ночью она не знала покоя...

Цзян Сюэнин стяхнула с себя чужую руку и вскочила. Молодой человек, сонный и хмельной, приоткрыл глаза и удивился. Приподнявшись, он потянулся за ней:

– Мм, братец Цзян, давай поспим еще...

– Наглец!

Как императрица, которая некогда повелевала сановниками, Цзян Сюэнин, столкнувшись с таким непочтительным обращением и распушенностью, инстинктивно вцепилась в грубую пощечину. Громкий звук разбудил юношу в темно-синем, крепко спавшего на другом краю ложа с мечом под головой. У него были прямые брови и тонкие губы, от него веяло решимостью и внутренней силой. Он не сразу понял, что произошло, но быстро заметил, как растрепаны богатые одежды второго молодого человека и как алеет на его правой щеке отпечаток девичьих пальцев, а рядом стоит потрясенная и охваченная гневом Цзян Сюэнин. Послышался звон металла – это проснувшийся мгновенно поднялся, бросился заслонить девушку и выхватил меч. Острие уперлось наgleцу в горло, и на юном лице нападавшего застыла ледяная ярость.

– Что ты сделал?! – холодно спросил он.

Лежащий, пораженный тем, что на него наставили оружие, был обижен и возмущен, потому что вины за собой не чувствовал. Он невольно прижал руку к щеке и с досадой воскликнул:

– А что я мог сделать? Вообще-то, мое высочество мужчинами не интересуется!

Юноша в темно-синем нахмурился. В его взгляде читалось явное недоверие.

«Мое высочество...» – растерялась Цзян Сюэнин. Только теперь девушка осознала, что от нее пахнет вином и на ней мужская одежда синего цвета с серебряной вышивкой в виде побегов бамбука. Ладонь, которой она ударила наглеца по щеке, горела от жгучей боли – значит, это ей не снится.

Облик юноши, к чьему горлу приставили меч, медленно всплыл из глубин памяти. Перед ней стоял принц Линьцзы по имени Шэнь Цзе, ее супруг и будущий правитель, а угрожал ему наследник титула Юньи-хоу, ставший позднее мятежником и заточивший свою императрицу во дворце, – Янь Линь...

Глава 2. Янь Линь

Она действительно вернулась в прошлое. Ей было снова восемнадцать с половиной лет – уже не начало пути, но еще не конец.

В четырнадцать Цзян Сюэнин добралась до столицы. Переодевшись в мужское платье и выдавая себя за дальнего родственника сановника Цзяна, она беззаботно разгуливала по городу вместе с Янь Линем. Спустя четыре года, в девятом месяце²⁰, ее вызвали ко двору, где она стала соученицей принцессы Лэян, а через две луны дом семьи Юньи-хоу постигло несчастье.

Словно сквозь сон, Цзян Сюэнин вспомнила, как провела юность вместе с Янь Линем. Рядом с ним она ничего не боялась. Сын полководца, побывавший в пограничных землях, отличался отвагой, неведомой столичным юнцам. Он носил яркие одежды, ездил на горячем скакуне и полагался на силу меча, а еще всюду сопровождал ее, защищал и заботился о девушке. Если бы все шло своим чередом, он бы взял Цзян Сюэнин в жены.

Однако в том году, прогуливаясь с Янь Линем, она встретила учтивого и благородного юношу в роскошных одеждах. Тогда она еще не знала Шэнь Цзе в лицо, зато ее спутник не раздумывая воскликнул:

– Как вы здесь оказались?

А кем тогда был сам Янь Линь? Сыном почтенного Юньи-хоу, не уступавшего семейству Сяо ни славой, ни знатностью. Император уже давно утвердил за юношей право наследовать титул, и при дворе его окружали особым вниманием. Где бы он ни появился, его почтительно называли молодым хоу. Людей, к которым Янь Линь обращался на «вы», было очень немного.

В прошлой жизни Цзян Сюэнин стремилась стать императрицей, поэтому невольно заинтересовалась загадочным незнакомцем. Расспросив, она выяснила, что Шэнь Цзе – принц Линьцзы, которого бездетный государь, по слухам, собирался назначить наследником. Так случайная и незначительная на первый взгляд встреча привела к преднамеренному сближению. Позже, когда Юньи-хоу, отец Янь Линя, вместе со всей семьей впал в немилость, Цзян Сюэнин, как и мечтала, вышла замуж за Шэнь Цзе. А спустя всего пару лет государь скончался от болезни, передав трон младшему брату, и девушка стала императрицей.

Однако Шэнь Цзе, хоть и вырос при дворе, разительно отличался от братьев. Его доброта граничила с мягкотелостью, а кротость – со слабохарактерностью. Молодой император был умен, но ему не хватало решительности. Он не мог удержать в повиновении ни гражданских, ни военных чиновников ни в столице, ни в провинциях, поэтому государственными делами занимался Се Вэй, имевший почетное звание младшего наставника наследного принца. И в конце концов Шэнь Цзе отравили. Янь Линь к тому времени уже посадил императрицу под арест, и она даже не успела попрощаться с мужем. Слишком добросердечному человеку не место на троне – таким был единственный вывод, который сделала Цзян Сюэнин из трагедии Шэнь Цзе.

---

²⁰ В традиционном китайском календаре девятый лунный месяц (*kit. ##*) не имеет фиксированных дат в григорианском календаре, потому что он зависит от лунных циклов. Обычно девятый лунный месяц начинается в середине сентября и заканчивается в середине октября. Например: в 2024 году девятый лунный месяц длился с 3 октября по 1 ноября; а в 2025 году – с 22 сентября по 21 октября. То есть, если в тексте встречается «девятый лунный месяц», это означает осень, примерно конец сентября – октябрь по современному календарю.

Теперь же она вернулась в прошлое, к моменту знакомства с принцем Линьцзы. К счастью, их отношения еще не зашли чересчур далеко, так что в этой жизни Цзян Сюэнин решила держаться подальше от стен Запретного города: она знала, что дворец Куньнин станет для нее могилой.

* * *

Комната, в которой они находились, была обставлена скромно, но со вкусом. В прохладном воздухе ранней осени еще витал едва уловимый запах вина, не выветрившийся со вчерашнего вечера. Сквозь плотно закрытое окно проникал приглушенный шум далекого городского рынка.

Янь Линь по-прежнему сжимал в руке меч. Облик наследника титула Юньи-хоу внушал невольный трепет. Несмотря на юный возраст, он был подтянут и строен, с выправкой взрослого воина. Его губы сжались в прямую линию без намека на улыбку.

Оставив слова Шэнь Цзе без внимания, Янь Линь чуть повернул голову. В его сдержанном взгляде читалась холодная решимость.

– Которой рукой он тебя тронул? – резко и глухо прозвучал голос юноши.

До сих пор потрясенная осознанием, что она переродилась, Цзян Сюэнин наконец вышла из оцепенения. Лицо юноши было совсем рядом, ясное и сияющее, как утренняя звезда, еще не омраченное ни болью из-за гибели его рода, ни дворцовыми интригами. Чистый. Яркий. Слепительный. Янь Линь напоминал палящее солнце в зените. Однако вопрос, который он задал... Казалось, стоит Цзян Сюэнин ответить, и ее обидчик тотчас лишится руки. У девушки на лбу выступил холодный пот, и она поспешно схватила Янь Линя за плечо:

– Нет-нет, ничего такого не было! Произошло недоразумение. Мне приснился кошмар, будто на меня напали. Померещилось, что господин Шэнь – это враг, вот ему и досталось. Убери меч, чтобы его не поранить!

Выслушав объяснение, Шэнь Цзе с досадой подумал, что просто попал под горячую руку. Как бы то ни было, юный господин Цзян – друг Янь Линя, и, хотя его положение несопоставимо со статусом принца, нельзя же всерьез обижаться из-за пощечины. Подобное поведение недостойно благородного мужа.

– Правда? – нахмурился Янь Линь.

Заметив в его взгляде недоверие, Шэнь Цзе растерялся, не зная, смеяться или негодовать.

– Ты что, сомневаешься в моей порядочности? Я не сделал ничего дурного. А если бы даже и сделал, неужели отрубил бы мне руку?

Он ведь был принцем, членом императорской семьи.

К его изумлению, Янь Линь помолчал, ловко вложил меч в ножны и решительно отчеканил:

– Отрублю.

У Шэнь Цзе дернулось веко. Он уставился на Янь Линя, но тот уже повернулся к Цзян Сюэнин. Его неприязненный голос вмиг изменился, словно древний лед внезапно растаял: теперь он звучал ласково и тепло.

– Ты в порядке? Вчера я отвлекся и не уследил за тобой. Кое-кому не стоило так много пить... Я отведу тебя домой.

Услышав короткое «отрублю», девушка невольно вспомнила события прошлой жизни. Вернувшись в столицу, Янь Линь примкнул к Се Вэю, вместе они отстранили Шэнь Цзе от власти, а вскоре императора отравили. Цзян Сюэнин винила в убийстве Се Вэя, но теперь задумалась: вдруг это сделал Янь Линь?

Прежде она принимала чувства юноши как должное, но, переродившись, поняла, насколько редкой и ценной была его преданность. В молодости любят искренне и не умеют

скрываться под маской; жаждут близости с тем, кто небезразличен; мечтают лелеять в руках того, кто дорог. Жаль, что она недостойна такой любви.

Цзян Сюэнин растерянно смотрела на Янь Линя, забыв, что нужно ответить. Шэнь Цзе уловил странную паузу и напомнил:

– Сегодня наставник Се читает лекцию в зале Вэньхуа²¹. Нам пора. Янь Линь, разве ты не должен идти со мной во дворец?

При этих словах Цзян Сюэнин наконец пришла в себя. Ей, конечно же, следовало поспешить домой, но внезапное возвращение к жизни спутало мысли. В голове царил хаос, многое предстояло обдумать. Девушке совсем не хотелось, чтобы Янь Линь ее провожал, поэтому она сказала:

– Дворцовые дела не терпят отлагательств. Я дойду без тебя.

В прежней жизни ее капризный нрав был хорошо известен. Отчасти своеволие девушки объяснялось тем, что господин Цзян чувствовал вину перед дочерью, вернувшейся в отчий дом, и не решался воспитывать ее в строгости, а отчасти – тем, что Янь Линь постоянно баловал подругу. Если она говорила, что хочет вернуться одна, ей не требовалось объяснять почему.

И действительно, Янь Линь не стал задавать вопросов. Похоже, он давно привык к своему нраву дорогой Нин-нин, которую берег как зеницу ока. Юноша лишь сказал:

– Тогда я велю Цин Фэну проследить за тобой издали.

Цин Фэн был одним из его двух личных телохранителей. В глубине души Цзян Сюэнин не хотела соглашаться, но, поглядев на лицо Янь Линя, решила не перечить и покорно кивнула.

Шэнь Цзе пристально наблюдал за ними, все больше убеждаясь, что дело нечисто. Он был по натуре человеком спокойным и редко выходил из себя. По правде говоря, и внешне-стью он обладал привлекательной, особенно когда улыбался: уголки его глаз едва заметно приподнимались, и лицо приобретало мягкие и сдержанные очертания, словно было вырезано из нефрита. После того как Цзян Сюэнин вышла за него замуж, они ни разу не поссорились. Причины объяснялись просто: Шэнь Цзе был покладистым, никогда не питал к жене настоящих чувств, да и она его не любила. Девушка стремилась лишь к титулу императрицы, прочее не трогало ее сердце. Непосвященные могли счесть их образцовой парой, ведь «жена подает мужу еду, поднимая к бровям поднос»²², – стало быть, между государем и императрицей царят мир и согласие.

Цзян Сюэнин посмотрела на принца с легким чувством вины: как ни крути, только что она повела себя непочтительно.

– Прошу извинить мою дерзость. Поднимать руку на господина Шэня недопустимо. Пожалуйста, не держите зла. Обещаю угостить вас, чтобы загладить вину.

Притворяться, будто совсем не обиделся на пощечину, было бы чистой воды лицемерием, к тому же Янь Линь вел себя крайне грубо. Однако голос Цзян Сюэнин звучал так мягко, что казался почти шелковистым, а ее глаза словно омыла родниковая вода. Шэнь Цзе взглянул на худощавого юношу перед собой: на фарфоровую кожу, алые губы и ровные зубы, нежные, утонченные и почти женственные черты лица, вероятно из-за юного возраста... и понял, что передумал сердиться. Он и впрямь не любил ссориться, поэтому лишь слегка улыбнулся:

– Рука у тебя легкая, но, раз предлагаешь, не стану отказываться. Жду угощения, господин Цзян.

---

²¹ Зал Вэньхуа, или зал Литературной славы (*кит. ###*), – одно из главных строений восточной части Внутреннего двора Запретного города в Пекине. Использовался для чтения лекций императору и наследнику престола, а также для проведения государственных экзаменов высшей ступени.

²² «Подать еду, поднимая к бровям поднос» (*кит. ####*) – устойчивое выражение со значением «почтительное отношение жены к мужу; гармония в браке», восходящее к «Жизнеописанию Лян Хуна» в «Книге Поздней Хань» (Фань Е, V в.), где описано, как жена ученого Лян Хуна подавала ему еду, высоко поднимая поднос в знак глубочайшего уважения.

Янь Линю вдруг захотелось как следует врезать этому паршивцу. С угрюмым лицом он отдал Цин Фэну короткое распоряжение, поправил одежду и вместе с принцем покинул постоянный двор.

* * *

По пути во дворец Шэнь Цзе прокручивал в голове недавнюю сцену и не мог избавиться от ощущения, что было в этом нечто странное. Особенно когда Янь Линь, защищая дальнего родственника из дома Цзян, вытащил меч и приставил клинок к горлу принца. Слишком уж хрупок и вызывающе красив загадочный юноша...

Шэнь Цзе нахмурился. Он был старше Янь Линя на несколько лет и считал своим долгом его образумить. Приподняв занавеску у окна экипажа, он произнес:

– Кхм... Янь Линь, понимаешь... в столице, конечно, немало ученых, которые увлекаются мальчиками, и надо признать, этот родственник семьи Цзян и правда хорош собой... но ты все же наследник титула Юньи-хоу. Рано или поздно тебе предстоит жениться...

Тот ехал верхом рядом с экипажем. Конь был видный, а всадник еще краше. Выслушав принца, юноша помрачнел:

– Ваше высочество, я не люблю мужчин.

Шэнь Цзе уставился на него с подозрением:

– А как насчет юного господина Цзяна?

– Никакой это не господин.

Янь Линь тоже вспомнил, что случилось на постоялом дворе. Взгляд, которым Цзян Сюэнин одарила Шэнь Цзе, ему совсем не понравился. В глубине черных глаз всадника промелькнула тень раздумий. Погруженный в невеселые мысли, он повернулся к Шэнь Цзе:

– Это вторая барышня Цзян.

Шэнь Цзе, поднесший к губам чашку чая, поперхнулся и закашлялся. Он ушам своим не поверил.

– Ты... серьезно?!

Однако Янь Линь не видел в случившемся ничего из ряда вон выходящего. Он сидел прямо, и темно-синее одеяние подчеркивало его стать.

– Она любит веселье и ценит свободу, вот я и вывел ее прогуляться. Ваше высочество, вы всегда относились ко мне как к брату и другу. Я рассказал вам, кто она такая, только затем, чтобы вы знали: перед вами девушка. Раньше вы были в неведении, и упрекать вас не за что, но впредь прошу соблюдать приличия, чтобы утреннее недоразумение не повторилось.

Шэнь Цзе не задумываясь кивнул, однако сразу заметил в логике друга изъян:

– Разве не тебе самому следует вспомнить о приличиях? Если правда откроется, кто возьмет ее в жены?

В уверенном взгляде Янь Линя блеснула дерзкая усмешка.

– Я ее балую, значит, сам и женюсь на ней.

Глава 3. Возвращение домой

Смелое заявление! Шэнь Цзе прикинул в уме возраст друга: через пару месяцев тот пройдет церемонию совершеннолетия – самое время задуматься о женитьбе.

– А отца ты поставил в известность? – улыбнулся он.

– Да.

Янь Линь с мечом на поясе небрежно, легко и с непринужденным изяществом вертел в руке хлыст. Едва впереди показались стены Запретного города, юноша снял с себя оружие и пояснил:

– Отец сказал, что в ее семье из поколения в поколение чтут ученость, а господин Цзян – помощник главы Палаты финансов. Когда государь взошел на престол, именно он тайно доставил младшего наставника Се в столицу, чем оказал императору помощь и снискал признание. К тому же он дружен с наставником Се. И раз уж вторая барышня – законная дочь господина Цзяна, пожалуй, мы с ней почти ровня. В ноябре я пройду обряд совершеннолетия и отправлю сватов.

– Все знают, что ты не водишься со столичными повесами и на заигрывания знатных барышень внимания не обращаешь. Я думал, мой друг Линь слишком молод, ничего не смыслит в любовных делах и равнодушен к страстям, а ты, оказывается, все давно для себя решил. С виду не скажешь!

Шэнь Цзе призадумался и наконец понял, что сегодня произошло.

– Вчера я был пьян, но ничего лишнего себе не позволил, только утром случайно приобрел ее, а тут вдруг выясняется, что она девушка из порядочной семьи, на которой ты хочешь жениться. Только вот не слишком ли рьяно опекаешь ее?

«Не посягай на жену друга» – вот на что намекал Янь Линь. Он не просто предупредил Шэнь Цзе, что Цзян Сюэнин – девушка и обращаться с ней следует сообразно приличиям, а недвусмысленно дал понять: эта барышня под его защитой. Он словно поставил на избраннице клеймо, пресекая чужие притязания, прежде чем они даже успели возникнуть.

Когда тайные опасения юноши оказались раскрыты, тот слегка покраснел, что было редкостью, но его голос зазвучал только громче, будто в попытке скрыть смущение:

– Ну и что? Хочу опекать – и буду!

Вот так, упрямо и самоуверенно. Шэнь Цзе не выдержал и рассмеялся.

Они остановились у Полуденных ворот²³ Запретного города. Янь Линь сдал свой меч и вместе с Шэнь Цзе повернул направо, в сторону ворот Высшего единения²⁴ и зала Вэньхуа.

Шэнь Лан, старший брат принца Линыцзы, взошел на престол четыре года назад. Переход власти – время опасное при любой династии. Год его воцарения не стал исключением. Прежний император из-за болезни утратил ясность рассудка, приказал заточить Шэнь Лана во дворец, а затем по неведомой причине и вовсе решил выслать его в удельные земли. Придворные пришли в смятение. К счастью, в столицу прибыл Се Вэй и спас положение. Словно

²³ Полуденные ворота (*кит. ##*) – главный вход в Запретный город, расположенный на юге.

²⁴ Ворота Высшего единения (*кит. ###*) – внутренние боковые ворота Запретного города, расположенные на востоке, ныне известные как ворота Гармонии (*кит. ###*).

посланник Небес, он сначала укрепил позиции Шэнь Лана, а затем привел к императору знаменитого лекаря, сумевшего облегчить его недуг. Благодаря усилиям Се Вэя государь составил завещание и передал трон третьему принцу – Шэнь Лану.

Се Вэй, которого при совершеннолетию нарекли Цзюйанем²⁵, происходил из Цзиньлина и был наследником влиятельного рода Се, прославленного в стихотворной строке: «Летали ласточки возле дворцов знатных Вана и Се»²⁶. Увы, при нынешней династии старинный род пришел в упадок. В двадцать лет отпрыск сдал экзамен на степень цзиньши²⁷ и даже поступил в академию Ханьлинь²⁸, но вскоре из Цзиньлина пришло скорбное известие о смерти его матери. Се Вэй ушел в отставку²⁹ и уехал домой, чтобы соблюсти трехлетний траур, а в двадцать три года он тайно вернулся в столицу и попал в самую гущу событий. В решающий момент ему удалось предотвратить надвигающуюся катастрофу, помочь Шэнь Лану взойти на престол и вместе с монахом Юань Цзи стать доверенным лицом нового императора. Се Вэй не имел при дворе значимой должности, но получил почетное место младшего наставника наследного принца. Поскольку же юных претендентов на императорский трон во дворце не появлялось уже давно и преподавать было некому, Се Вэй читал лекции самому императору. Не занимая должности наставника императора, он, по сути, исполнял эту роль.

С наступлением осенней прохлады Шэнь Лан стал жаловаться на недомогание. Несколько раз он тайно вызывал во дворец троих главных министров Государственной канцелярии³⁰. О чем именно они говорили, никто не знал. Между тем еще в прошлом месяце Шэнь Лан повелел пригласить представителей императорского рода, чтобы те вместе с ним присутствовали на лекциях в зале Вэньхуа. Среди гостей были братья государя, в том числе и Шэнь Цзе.

Когда юноши подошли к залу, лекция уже началась. У входа стоял главный евнух Хуан Дэ. Завидев их, он торопливо бросился навстречу, склонился и зашептал:

– Ваше высочество, молодой господин хоу, почему вы явились так поздно? С начала лекции прошло полчаса! Если войдете сейчас, господин младший наставник непременно заметит!

Вчера во время веселой попойки никто и не вспомнил об утренней лекции. Шэнь Цзе и Янь Линь переглянулись, предчувствуя крупные неприятности. Младший наставник Се Вэй умел сочетать строгость и мягкость, за что его называли наследником духа древних мудрецов, однако оплошностей и небрежности он не прощал. В прошлый раз Яньпин-ван, любимец императора, опоздал всего на полчетверти часа и попытался тихонько проскользнуть в зал, но Се Вэй сразу его заметил, назвал по имени и велел прочесть наизусть «Рассуждение о партийных

²⁵ Второе личное имя (*кит.* #) давалось мужчинам после достижения зрелого возраста, обычно в двадцать лет, на совершеннолетие, и использовалось в официальной и светской жизни, в отличие от личного имени (*кит.* #), которое употреблялось в семье и близком кругу.

²⁶ Строка из стихотворения «Улица черных одежд» из цикла «Пять стихотворений о Цзиньлине» поэта Лю Юйси (772–842 гг.) в переводе Сергеева А. Л.

²⁷ Цзиньши (*кит.* ##) – третья ученая степень в системе государственных экзаменов, дававшая право занимать значимые должности; высшая ступень карьерного и социального успеха для образованного человека в императорском Китае.

²⁸ Академия Ханьлинь (*кит.* ###) – учреждение в императорском Китае, подчинявшееся непосредственно государю. Члены академии занимались составлением документов, летописей, указов, редактированием истории и участвовали в разработке государственных ритуалов. Поступление в академию Ханьлинь считалось стремительным стартом политической карьеры.

²⁹ Отставка по трауру (*кит.* ##) – обязанность чиновника временно оставить службу после смерти родителей и соблюдать траур в течение трех лет, живя в уединении и воздерживаясь от пиров и праздников. Считалась выражением сыновней почтительности и добродетели.

³⁰ Государственная канцелярия, или Внутренний кабинет (*кит.* ##), – высший государственный орган в Китае при династиях Мин (1368–1644 гг.) и Цин (1644–1911 гг.), учрежденный для помощи императору в управлении страной. Формально не имела законодательной власти, но фактически играла ключевую роль в принятии решений.

фракциях»³¹, о котором шла речь накануне. Яньпин-ван был молод и любил забавы. Конечно же, он не смог вспомнить ни слова, стоял посреди зала, бормоча что-то невнятное и краснея.

Се Вэй несколько не рассердился, спокойно попросил юношу занять свое место и мягко добавил, что, вероятно, вчерашняя лекция оказалась слишком сложной, поэтому он как наставник берет вину за неудачу ученика на себя. Яньпин-ван испытал жгучий стыд. Вернувшись домой, он засел за книги и читал всю ночь при свете лампы. На другой день юноша явился без опозданий и повторил без запинки не только «Рассуждение о партийных фракциях», но даже «Докладную записку императору Тай-цзуну: десять размышлений»³², чем впечатлил всех присутствующих. С тех пор Яньпин-ван за учебу взялся всерьез. Правда, если в четырнадцать лет он еще мог оправдать свой промах юностью, то Янь Линь и Шэнь Цзе были старше и в их возрасте терять лицо считалось зазорным. Стоя у входа в зал Вэньхуа, они слушали негромкий голос лектора и чувствовали, как стынет в жилах кровь. Заходить оба не решались.

К счастью, Хуан Дэ оказался смекалист. Поразмыслив, он предложил:

– Господин младший наставник отчитывает провинившихся сразу. Если время прошло, он былое не вспоминает. Сегодня утром из Управления дворцового этикета³³ прислали цинь, который государь подарил младшему наставнику. Скоро наступит перерыв на чай между лекциями, и господин Се наверняка захочет испытать инструмент. Он ведь обожает музыку. Может, ваше высочество и молодой господин хоу подождут перерыва и войдут, когда младший наставник будет играть? Тогда, пожалуй, все обойдется.

Шэнь Цзе и Янь Линь почувствовали облегчение и поспешно поклонились:

– Спасибо, господин евнух!

Они молча удалились в боковой зал и затаились там в ожидании.

* * *

Цзян Сюэнин ничего не знала о трудностях Янь Линя и Шэнь Цзе, опоздавших на утреннюю лекцию: вскоре после их ухода она отправилась домой. Столичные улицы и переулки, большие и малые, – в юности девушка обошла их почти все. Покинув постоянный двор, она поначалу растерялась, не зная, куда идти, но уже через пару шагов память начала оживать, и Цзян Сюэнин без труда нашла дорогу к усадьбе Цзянов.

По улицам сновали прохожие, лавочники, сияя улыбками, зазывали покупателей. Бегали дети, размахивая фигурками из рисового теста...³⁴ Дыхание мирской суеты пахнуло в лицо Цзян Сюэнин и словно припорошило ей брови тончайшей пылью. Напряжение, сковавшее тело, понемногу отступало. Только теперь она сполна ощутила, что родилась заново. Мир перед глазами прояснился и уже не напоминал смутный сон, который окружал ее при встрече с Янь Линем и Шэнь Цзе. Она больше не императрица, запертая в стенах дворца Куньнин. Девушка двигалась словно рыба в воде. Ее походка была легкой и непринужденной.

---

³¹ «Рассуждение о партийных фракциях» (кит. „###“) – трактат китайского мыслителя Лю Цзунъюаня (773–819 гг.), в котором автор излагает свои размышления о придворных политических группировках, осуждает семьи, стремящиеся к власти, но защищает сообщества, основанные на добродетели и служении государству.

³² «Докладная записка императору Тай-цзуну: десять размышлений» (кит. „#####“) – знаменитое наставление, адресованное императору Тай-цзуну (599–649 гг.) советником Вэй Чжэном (580–643 гг.), где перечислялись десять принципов, которыми должен руководствоваться правитель.

³³ Управление дворцового этикета (кит. ###) – одно из шести ведомств, учрежденных императором Вэнь-ди (541–604 гг.) из династии Суй (581–618 гг.); отвечало за обучение придворных дам и наложниц правилам этикета, организацию церемоний с участием женщин, а также сопровождение знатных дам во время официальных приемов. Его возглавляли старшие придворные дамы, подчиненные императрице.

³⁴ Фигурки из рисового теста (кит. ###) – фигурки, лепившиеся вручную из клейкого рисового теста или цветной муки, как правило, несъедобные. Часто изображали персонажей традиционной китайской оперы, богов, зверей или героев сказок.

Усадьба родителей находилась недалеко – в переулке Хуайшу, и вскоре впереди показались ярко-красные створки парадных ворот. Честно говоря, Цзян Сюэнин не питала к отцовскому дому особой привязанности. В столицу она вернулась в четырнадцать лет, а детство провела в Тунчжоу, в загородном имении, где ее растила наложница отца, матушка Вань. Родная мать и супруга господина Цзяна, госпожа Мэн, утверждала, что девушку воспитали из рук вон плохо.

Цзян Сюэнин досталась непростая судьба. Пока мать носила ребенка под сердцем, между ней и наложницей Вань не утихали ссоры. «Худую кобылу» из Янчжоу господин Цзян получил в подарок, взял в семью и явно благоволил ей. Она забеременела одновременно с госпожой Мэн, да только, по словам матушки Вань, та нашла к чему придраться и решила отправить соперницу в загородное имение. Но наложница была не из тех, кто сдастся без боя. Понимая, что ее участь предрешена и отъезда в Тунчжоу не избежать, она решилась на крайние меры. Обе женщины рожали в одну ночь. Воспользовавшись суматохой, матушка Вань подменила младенцев: отдала своего госпоже Мэн, а ее ребенка забрала с собой. Так дочь наложницы стала законной наследницей, жила в роскоши, носила лучшие наряды, вкушала изысканные блюда, училась манерам и получила имя Цзян Сюэхуэй, а другая малышка отправилась с матушкой Вань в захолустье, где росла на приволье, не ведая того, что положено знать благородной барышне. Этой невезучей девочкой и была Цзян Сюэнин.

К счастью, наложница обращалась с воспитанницей хорошо: обучала грамоте, показывала, как прихорашиваться и воскурить благовония, ни в чем не притесняла. Теперь, вспоминая далекое прошлое, Цзян Сюэнин понимала: расчет у матушки Вань был очень тонкий. Спустя десять лет, тяжело заболев, она неожиданно отправила в столицу письмо и раскрыла всю правду о подмене новорожденных. В доме Цзянов подняли шум. Когда слова наложницы подтвердились, из столицы в Тунчжоу прислали людей. Однако наложница не стала тратить время на пустые разговоры. «Поздно каяться», – отрезала она и скончалась, оставив клубок нерешенных проблем. Госпожа Мэн ненавидела матушку Вань, но ведь та все же не обошлась с ее дочерью дурно, да и в прощальных словах покойной явно звучало сожаление. С мертвецом, как известно, не поквитаться, и уж тем более не стоило вымещать злобу на Цзян Сюэхуэй.

Семья Цзян была знатной и уважаемой, и громкий скандал мог навредить ее репутации. Пусть матерью старшей дочери оказалась наложница, все же барышня росла благонравной и скромной, с малых лет воспитывалась при госпоже Мэн, и они давно сблизились. Кроме того, девушка не имела отношения к недоразумению. Если бы ее перевели в статус дочери наложницы, все бы только пальцем показывали на бедняжку и насмехались, а выдать девушку замуж было бы куда труднее. Поэтому в доме Цзянов пошли на уступку и придумали объяснение: мол, гадатель предсказал, что Цзян Сюэнин до четырнадцати лет постигнет беда, спастись от которой можно лишь вдалеке от городской суеты. Якобы оттого девочку и отправили в деревню, где растили как ребенка из простонародья. Теперь же, когда роковой срок миновал, барышню, разумеется, вернули. Так в доме Цзян оказалось две дочери, и обе – законные наследницы.

Сначала Цзян Сюэнин вела себя сдержанно, слушалась госпожу Мэн и старательно училась, чтобы стать благородной девицей, но господин Цзян, мягкосердечный и заботливый, испытывал перед младшей дочерью вину, жалел ее и понемногу избаловал. Со временем Цзян Сюэнин сделалась капризной и своенравной и даже порой притесняла Цзян Сюэхуэй, а после знакомства с Янь Линем с ней уже никто не справлялся. Когда вскрылась история с переодеванием в мужское платье, госпожа Мэн пришла в ярость и в сердцах крикнула, что такая негодница могла вырасти только у дрянной девки Вань. Даже отец, Цзян Бою, решил, что дочь перешла границы дозволенного.

Вот только удержать ее от прогулок с юным Янь Линем никому не удавалось. Тот часто уводил девушку повеселиться, пока однажды не побывал в доме Цзянов и не поговорил с главой семейства, после чего в усадьбе негласно смирились с выходками второй барышни. Если

Цзян Сюэнин переодевалась в мужское платье, то ее величали молодым господином кузенком, и слуги с домочадцами старательно делали вид, будто в усадьбе и правда живет некий юноша. Поэтому, когда Цзян Сюэнин явилась домой, привратник лишь удивленно приподнял брови, поспешно опустил голову и боязливо пробормотал:

– Молодой господин кузен вернулся...

Земля в столице стоила невообразимо дорого, а Цзян Бою, как помощник главы Палаты финансов, был всего лишь чиновником третьего ранга³⁵. Несмотря на достаток, позволить себе лишнюю роскошь он не мог, поэтому его усадьба с четырьмя внутренними дворами выглядела хоть и изысканно, но скромно.

Девушка помнила, что в то время жила в западном флигеле, соседние комнаты принадлежали Цзян Сюэхуэй. В прошлой жизни, вернувшись в столицу и встретив сестру, Цзян Сюэнин ощутила смущение и зависть. Став капризной и своенравной, она начала относиться к дочери наложницы свысока, молча позволяла слугам пренебрегать ей и позже приложила все усилия, чтобы в соученицы принцессы Лэян взяли ее, а не сестру. Умудрилась даже отбить у нее жениха: на самом деле Шэнь Цзе был очарован старшей барышней Цзян, но в память о ней у принца остался один лишь платок, и юноша не знал наверняка, которой из сестер тот принадлежал. Этим Цзян Сюэнин и воспользовалась. Позже старшая барышня вышла замуж за цзиньши и уехала с ним из столицы. С тех пор Цзян Сюэнин видела сестру только издали во время праздников, когда жены высокопоставленных чиновников являлись ко двору с визитом, и слышала, что живет той неплохо.

Теперь, когда Цзян Сюэнин предстояла новая встреча с Цзян Сюэхуэй, которая заняла в семье ее место, девушку обуревали смешанные чувства. Она хотела вернуться в свою комнату и спокойно обдумать, как себя вести, но едва подошла к галерее, как услышала визгливый голос, без сомнения принадлежавший пожилой даме.

– Вот уж насмешили, барышня! У нас людей больше, у вас меньше. Что с того, что мы взяли лишнее?

– Не забыли, случаем, кто вы такая?

– Подумаешь! Я даже второй барышни не боюсь! Это ведь я забирала ее из деревни. Она меня слушается беспрекословно: скажу ей идти на восток – она даже шагу на запад не сделает!

– Ты!..

В галерее стояла девушка в небесно-синем одеянии, расшитом узорами в виде переплетенных стеблей лотоса. Тонкие брови изогнуты, как листья ивы, овальное лицо лишено чарующей красоты Цзян Сюэнин, однако от облика веяло врожденным достоинством. Сейчас на этом лице читалось явное раздражение. Это была Цзян Сюэхуэй.

Позади нее застыла молоденькая служанка в жилете с боковыми разрезами, а впереди, в трех шагах, – пожилая женщина, увешанная золотыми украшениями. Родинка на подбородке придавала ее лицу язвительное выражение, а приподнятый уголок губ и насмешливый взгляд говорили о полном пренебрежении к собеседнице. Цзян Сюэнин подошла к женщине со спины. Услышав о беспрекословном повиновении, девушка вскинула бровь: с каких это пор она кому-то безоговорочно подчиняется?

Женщина по имени Ван Син служила в покоях младшей сестры. Раньше она состояла при госпоже Мэн и действительно ездила в загородное поместье, чтобы привезти вторую барышню в столицу. В дороге, надо признать, пожилая дама хорошо позаботилась о подопечной, так что позже Цзян Сюэнин сама попросила госпожу Мэн уступить ей Ван Син. С тех пор женщина

³⁵ В традиционной системе китайской бюрократии государственные служащие делились на девять рангов (*кит.* #). Первый ранг был высшим (например, первый министр), девятый – низшим. Третий ранг считался высоким, но не входил в ближайшее окружение императора.

обращалась с юной хозяйкой как с живым идолом. Неужели же она лишь делала вид, будто готова пасть ниц и вылизывать ей ноги, в то время как за спиной вела себя иначе?

Ван Син не заметила Цзян Сюэнин, зато Цзян Сюэхуэй сразу увидела сестру и похолодела. Все в доме знали, что младшая барышня – настоящий разбойник в юбке: если явилась в разгар ссоры, наверняка устроит скандал, не разбирая правых и виноватых. У служанки старшей сестры едва ноги не подкосились от страха. Задрожав, она пролепетала:

– Д-доброе утро, вторая барышня...

Ван Син сразу напряглась и обернулась. Язвительность и надменность бесследно исчезли с ее лица. Их сменила широкая улыбка, заискивающая любезность и преувеличенная радость.

– Ай, наша вторая барышня вернулась! Ваша старая служанка как раз сварила бульон из черной курицы, а еще испекла ваши любимые ананасовые пирожные!

Она услужливо протянула руку, будто хотела подхватить Цзян Сюэнин под локоть. На запястье блеснул браслет из нефрита, чистого, гладкого, с мягким отливом, – с первого взгляда понятно: первоклассный хотанский³⁶ камень. Цзян Сюэнин опустила взгляд и прищурилась.

«Этот браслет...»

Незадолго до смерти матушка Вань взяла ее за руку. Цзян Сюэнин уже знала, что та похитила ее у родной матери, однако ненависти к наложнице не испытывала, ведь они провели вместе так много лет. К тому же девочка тогда еще толком не понимала, что с ней произошло.

Она решила, что матушка хочет напоследок дать напутствие, но та лишь вложила в ее ладонь браслет и с мольбой прошептала:

– Нин-нин, прошу... если вернешься домой и увидишь старшую барышню... передай ей это...

Цзян Сюэнин показалось, будто ее окатили ледяной водой. Возможно, именно тогда в ней зародилась зависть к Цзян Сюэхуэй. После смерти матушки Вань она вернулась домой, однако браслет так и остался в шкатулке: пусть лучше пылится забытый, чем перейдет к сестре. Позднее, многое пережив, она не раз вспоминала матушку Вань и пыталась найти браслет, но тщетно. Кто мог подумать, что он угодил в руки Ван Син?

Цзян Сюэнин с непроницаемым лицом смотрела на старшую служанку. Та по-прежнему улыбалась:

– Вы, наверное, устали после прогулки, барышня. Позвольте старой служанке проводить вас в покой...

Однако едва она встретилась взглядом с хозяйкой, как по спине пробежали мурашки. Ван Син и сама не поняла почему. На сестру рядом Цзян Сюэнин даже не посмотрела – изогнув губы в улыбке, она не сводила глаз с пожилой женщины:

– Не знала, что ты такая искусница. Маски меняешь как по волшебству.

---

³⁶ Хотанский нефрит – один из самых ценных видов нефрита, добываемый в округе Хотан на северо-западе Синьцзян-Уйгурского автономного района.

Глава 4. С барышней все хорошо

Слова девушки ошеломили Ван Син. Цзян Сюэхуэй и ее служанка тоже застыли в оцепенении, словно увидели призрака. Похоже, у них в голове не укладывалось, что такое могло прозвучать из уст второй барышни. Мало того что она не закатила скандал, как обычно, так еще и съязвила прислуге, которой прежде безоговорочно доверяла!

У Ван Син нервно задергалось веко. Раньше она состояла при госпоже Мэн, однако в число самых доверенных лиц не входила. Четыре года назад, когда ее отправили в Тунчжоу за Цзян Сюэнин, Ван Син сразу поняла, с кем имеет дело: девочка юная и неопытная, знатная, но выросшая в сельской глуши, в родном доме никого не знает, приедет в столицу и почувствует себя неуверенно. Поэтому в дороге женщина из кожи вон лезла, чтобы угодить барышне. И не ошиблась: после возвращения хватило пары осторожных намеков, чтобы Цзян Сюэнин сама попросила госпожу Мэн передать ей Ван Син в услужение. С тех пор всеми делами в покоях второй барышни заведовала она. А когда Цзян Сюэнин сблизилась с юным Янь Линем, второй сестры стали побаиваться и авторитет управляющей ее покоями стал укрепляться день ото дня. Оттого Ван Син никак не ожидала услышать от юной госпожи такое!

– В-вторая барышня, наверное, шутит. Я ведь родом не из Шу³⁷ и театральные представления видела всего пару раз. Где уж мне научиться маски менять? – Ван Син с усилием подавила смятение, махнула рукой и с привычным нахальством вновь принялась лебезить и заискивать: – Или вы желаете посмотреть представление? Я слыхала от госпожи, что в столицу приехали две новые труппы. Хотите, приглашу их во двор сыграть для вас спектакль?

Услышав эти угодливые речи, прежняя Цзян Сюэнин не расплелась бы в улыбке, но и сердиться бы не стала, однако теперь... Она неторопливо поправила подол синего парчового одеяния с серебряной вышивкой в виде бамбуковых листьев и спокойно уселась на резную скамью с высокой изогнутой спинкой. Даже в мужском наряде, с густыми, нарочито подведенными бровями она выглядела ослепительно: алые губы, белоснежные зубы и безупречные черты лица – прекрасные, как очертания гор, окутанных дымкой, и нежные, словно лепесток с каплей росы. Лишь ее улыбка была ледяной.

Девушка перевела взгляд на запястье Ван Син и с наигранным любопытством протянула:

– Красивый браслет у вас, мамушка. Только уж больно знакомый. Я похожий недавно искала, да так и не нашла.

У Ван Син екнуло сердце. Ей показалось, будто браслет, украшавший запястье, раскалился под взглядом Цзян Сюэнин и обжег кожу. Рука управляющей задрожала, но все же не зря она столько лет прослужила в женских покоях: разбираться в людях и замечать малейшую перемену в их настроении Ван Син умела хорошо. Не успела Цзян Сюэнин договорить, как в голове старой служанки пролетела череда мыслей и блеснула догадка. Браслет! Вот из-за чего вторая барышня вдруг переменилась. Ван Син привыкла хозяйничать в покоях Цзян Сюэнин, а та за своими вещами не следила – разве тут устоишь? Мелкое воровство среди слуг считалось

³⁷ Шу (*кит. #*) – историческое название провинции Сычуань на юго-западе Китая. Искусство смены масок (*кит. ##*) – эффектный прием сычуаньской оперы, где актеры за доли секунды меняют маски прямо на сцене.

обычным делом: то одно прихватишь, то другое. Откуда Ван Син могла знать, что сегодня ей не повезет?

Молниеносно сообразив, что к чему, опытная служанка тут же включилась в игру:

– Похожий, по-вашему? Да откуда ж мне взять такие хорошие вещи, как у вас, барышня? Эту безделицу я купила на улице у торговца. Он сказал, что в браслете трещинка, вот и отдал за бесценок. Я потом два серебряных цян³⁸ потратила, чтобы заделать изъян. Поглядите!

Расплывшись в улыбке, Ван Син стянула с руки браслет, чтобы показать ту самую трещинку, но, ткнув пальцем в нужное место, вдруг охнула.

– Как же так? – воскликнула Ван Син, округлив глаза в нарочитом изумлении. – Куда же трещинка подевалась?

Цзян Сюэнин молча смотрела представление. Ван Син ненадолго задумалась, изобразила озарение и смущенно улыбнулась.

– Эх, стара я уже, память подводит! Вчера разбирала вашу шкатулку для драгоценностей, побоялась браслет поцарапать, сняла и положила рядом. Наверное, с вашим и перепутала. Закончила уборку и надела не тот. Еще удивлялась: отчего он вдруг так засиял? Да и сама я словно преобразилась: энергия бьет ключом! Теперь понятно: это же ваш браслет, барышня, вот он вашей благодатной аурой и напитан.

Такую лесть любой бы принял за чистую монету! Со старшей барышней эта женщина вовсе не так разговаривала. Цзян Сюэнин поняла, почему в прошлой жизни сама попросила госпожу Мэн уступить ей служанку, а потом дала той распоясаться.

– Значит, браслет и правда мой? – едва заметно усмехнулась девушка.

– Все из-за моей старости да плохих глаз! Перепутала, вот и все. Хорошо, что вы барышня зоркая, сразу подметили, а то ведь сказали бы, будто я вас обкрадываю! Я б тогда не отмылась, даже если бы в Хуанхэ прыгнула.

Служанка изобразила на лице самую искреннюю благодарность. Цзян Сюэнин сидела боком на резной скамье, и Ван Син опустила на корточки, делая вид, что хочет надеть браслет девушке на руку, но вдруг замерла.

– Ой, так нельзя. Если мой дух простолюдинки останется на нем, он, чего доброго, вашу благородную ауру осквернит! Погодите.

Ван Син сдернула с пояса платок и тщательно протерла браслет. Сияя лживым усердием, она осторожно приподняла левую руку Цзян Сюэнин и надела украшение на ее запястье.

Нежно-синий, как небо перед дождем, нефрит идеально подчеркивал белизну кожи и безупречную форму длинных изящных пальцев. Ван Син хоть и несла вздор, однако доля правды в ее словах имелась: на руке служанки браслет выглядел как обычная безделушка, а на запястье Цзян Сюэнин – как сокровище, достойное небожительницы.

– Ах, вам так идет! – принялась восхищаться Ван Син, украдкой поглядывая на хозяйку.

Случись подобное в те два года, что девушка провела во дворце, служанку уже поколотили бы палками, и до утра она бы не дожила. Но теперь дела обстояли иначе: Цзян Сюэнин вернулась в прошлое, находилась в усадьбе отца и во дворец возвращаться не собиралась. Она решила вести себя скромнее. Раз высокое положение ей больше не светило, гордый нрав следовало обуздать. Поэтому Цзян Сюэнин небрежно повертела запястьем, делая вид, что любуется браслетом. В прежней жизни она ни разу его не надевала: семейная реликвия, которую оставила матушка Вань, была очень ценной, но, увы, предназначалась вовсе не ей.

Во взгляде Цзян Сюэнин не было ни капли радости, только холодная отрешенность. С едва заметной улыбкой она протянула руку, дотронулась до плеча Ван Син, а затем с доброжелательным видом смахнула с ее лица невидимую пылинку:

---

³⁸ Цянь (*кит. #*) – традиционная мера веса и денежная единица в Китае, равная одной десятой ляна и весившая примерно 3,73 грамма. (Далее термины древнекитайской системы измерения длины и веса см. на стр. 455.)

– Мамушка так обо мне заботится.

Та поспешно заулыбалась, уже открывая рот, чтобы заверить в вечной преданности, но девушка спокойно добавила:

– С этого дня, если мамушка скажет идти на восток, ни шагу не сделаю на запад. Буду слушаться вас беспрекословно.

Улыбка, которую Ван Син с таким трудом изобразила, тут же погасла. Лицо служанки пошло пятнами и за короткий миг сменило несколько выражений – одно краше другого. А хозяйка будто ничего и не заметила. С той же неспешной грацией, с которой только что села, она неторопливо поднялась и лишь тогда впервые взглянула на Цзян Сюэхуэй, все это время стоявшую рядом. Облик старшей сестры почти стерся из воспоминаний о прошлой жизни. Даже в кошмарах, что посещали Цзян Сюэнин по ночам, всплывал только размытый образ. Сейчас она видела перед собой девушку с правильными и утонченными чертами лица, которые уже не вызывали неприязни, однако не сказала той ни слова. Между сестрами стояли госпожа Мэн, матушка Вань и судьба, что их разлучила. Да и по характеру они были совсем не похожи – словно жители разных миров. Даже если предположить, что Цзян Сюэхуэй не держала на нее зла, у самой Цзян Сюэнин в глубине сердца притаилась застарелая обида.

Разговаривать было незачем, да и не хотелось. Она просто отвернулась и неторопливо направилась по галерее к себе. Цзян Сюэхуэй невольно проводила ее взглядом: прямая спина, уверенная осанка, синий браслет покачивается на запястье... в этом образе появилось что-то незнакомое. Казалось, перед ней уже не та девушка, что прежде.

Как только Цзян Сюэнин скрылась из виду, у Ван Син подкосились ноги и она осела на пол. Даже сквозь густой слой пудры ее лицо заметно побледнело, на спине выступил пот. Взгляд Цзян Сюэнин и интонации были на удивление спокойными, но чем ровнее звучал ее голос, тем больше страха внушал. Где это видано – бросила пару коротких фраз, не вспыхнула и просто ушла! Мэй-эр³⁹, служанка старшей барышни, наблюдавшая за сценой от начала до конца, не выдержала, обхватила себя за плечи, покрывшиеся гусиной кожей, и принялась их растирать.

– В-вторая барышня сегодня...

«...Вот страху-то нагнала!» – подумала Мэй-эр, придвинулась ближе к хозяйке и прошептала:

– Провела ночь в городе и будто другим человеком стала... Барышня, может, с ней что-то за это время случилось?

– Чепуха, – отрезала Цзян Сюэхуэй. – С ней был молодой господин Янь – что могло случиться?

Однако чем больше девушка размышляла о том, что произошло, тем сильнее недоумевала. Сдвинув в смятении брови, она скользнула взглядом по Ван Син. Та по-прежнему сидела на полу, от ее прежней заносчивости и воинственности не осталось и следа.

Цзян Сюэхуэй жестом повелела Мэй-эр следовать за собой и, отойдя в сторону, тихо произнесла:

– Наверное, Ван Син чем-то ее задела. Как бы то ни было, зная характер второй барышни, лучше не вмешиваться. Если сама к нам не заявится, сделаем вид, что ничего не видели.

– Хорошо, – с готовностью согласилась Мэй-эр.

* * *

На дворе стояла ранняя осень. В воздухе витал тонкий аромат едва распустившихся соцветий османтуса. Цзян Сюэнин миновала галерею и подошла к западному флигелю, где

---

³⁹ Суффикс – эр (*кит.* #) в именах служанок, типичный для неформального обращения, имеет уменьшительно-ласкательное значение.

находились ее покои. Переступив порог передней комнаты, она увидела девушку с прической в виде пары тугих пучков: та дремала за столом с корзинкой для рукоделия на коленях, где лежала незаконченная работа. Это была ее личная служанка Лянь-эр.

Цзян Сюэнин не стала ее будить и бесшумно прошла дальше, в свою комнату. Вещи вокруг казались одновременно знакомыми и чужими. Сундук, вперемешку наполненный женской и мужской одеждой; на квадратном столике у окна – курильница с благовониями из первосортного агарового дерева; перед туалетным ларцом с зеркалом – множество шпилек, заколок, жемчужных украшений, баночки с пудрой и румянами...

Как истинная женщина, матушка Вань лучше всего владела искусством себя украшать. С давних времен «худых кобыл» из Янчжоу делили на три категории. К первой относили тех, кто умел декламировать стихи, писать картины, играть на цине и флейте, краситься и достойно вести себя в высшем обществе. Их товаром были красота, изящество, шарм. Ко второй – тех, кто знал грамоту, кое-как музицировал, а главное, отлично вел торговые расчеты. Таких ценили за практичность и сметливость. «Худые кобылы» третьей категории были безграмотны, умели только шить да готовить, зато хорошо управлялись с хозяйством.

Вначале матушка Вань относилась ко второй категории и красотой не блистала – серединка на половинку, пять баллов из десяти. Однако потом она научилась так прихорашиваться, как смогла бы не всякая девушка первой категории, и превратила свои пять баллов в восемь. К тому же уродилась сообразительной, тонко чувствовала настроение мужчины и до встречи с госпожой Мэн жила припеваючи.

Какая девушка не хочет блистать красотой? Цзян Сюэнин выросла под присмотром матушки Вань и с малых лет тянулась ко всему, что помогало выглядеть лучше. Так дочь госпожи Мэн многому научилась, да и от природы была наделена редкой красотой – на все десять баллов из десяти. Лицо восемнадцатилетней девушки еще не приняло окончательные черты, но стоило ей нанести немного румян, как люди теряли из-за нее голову. Нельзя не признать, что в прежней жизни внешность сыграла ключевую роль в ее восхождении. Как известно, самая непостижимая в мире сила, которая не подчиняется логике, – это красота.

Цзян Сюэнин молча стояла перед зеркалом, глядя на собственное отражение. В нем еще не было величавости, которая пришла вместе с титулом императрицы, однако тем отчетливее проступало природное очарование, яркое и неотразимое. Мужчины обожали это лицо, женщины – ненавидели.

Внезапно девушка тихо фыркнула, захлопнула туалетный ларец с зеркалом, стянула с руки браслет и швырнула его на столик. В прошлой жизни она завидовала Цзян Сюэхуэй, заняла ее место среди соучениц принцессы Лэян и натерпелась от той унижений. Она так злилась на старшую сестру, что отняла у нее жениха и сама стала императрицей, но угодила в настоящую преисподнюю, где приходилось просчитывать каждый шаг и состязаться с мастерами дворцовых интриг. В конце концов никого перехитрить она не смогла и поплатилась жизнью. Видно, все в мире взаимосвязано и у каждого действия есть следствие. Небеса не слепы.

Кинув браслет, Цзян Сюэнин села, и от шума пробудилась дремавшая за столом Лянь-эр. Сообразив, что в соседней комнате кто-то есть, она вскочила и отдернула занавесь. При виде хозяйки девушка побледнела и подбежала:

– Я не знала, что вторая барышня уже дома...

Цзян Сюэнин обернулась. Эту служанку в свое время выбрала госпожа Мэн. В прошлой жизни Лянь-эр прослужила младшей барышне шесть лет, была доброй и славной. А когда хозяйка вышла за Шэнь Цзе, ее тоже выдали замуж, и больше они не встречались.

Наверное, из-за того, что барышня не вернулась на ночь, прислуга места себе не находила. Цзян Сюэнин не собиралась никого ругать. Заметив темные круги под глазами Лянь-эр, она сказала как можно мягче:

– Со мной все в порядке. Ступай к себе, поспи немного.

Услышав последние слова, Лянь-эр с глухим стуком опустилась на колени. На ее лице отразился еще больший испуг.

– Б-барышня, клянусь, что больше никогда не засну, прежде чем вы вернетесь! И за столом больше спать не посмею! Пожалуйста, не велите старшей служанке продать меня... У вашей верной Лянь-эр остались родители, младшие братья и сестры...

Цзян Сюэнин поняла, что бедняжка превратно истолковала ее слова. Поведение служанки и раздосадовало хозяйку, и рассмешило. Она протянула руку, чтобы помочь той подняться.

– Пол холодный, не стой на коленях. Я же не сказала, что собираюсь тебя наказать...

Лянь-эр послушно поднялась, но выглядела ошарашенной. Она потрясенно уставилась на хозяйку, а затем бросилась к выходу, выкрикивая на бегу:

– Тан-эр! Тан-эр, скорее сюда! Вторая барышня ночью не вернулась домой и теперь странно себя ведет! Она сама не своя!

Вся в слезах, Лянь-эр привела в комнату вторую служанку Цзян Сюэнин и заголосила:

– Она... она только что отправила меня спать! Не велела стоять на коленях – сказала, что пол холодный! Погляди, может, наша барышня где-то ушиблась или ей нездоровится? Если с ней что-то случилось, что же нам делать?!

Девушка наконец поняла, почему Лянь-эр так странно на нее смотрела. На мгновение Цзян Сюэнин онемела, слушая, как служанка причитает без остановки, и уголки рта, а вместе с ними и глаз едва заметно дернулись. Прежний вспыльчивый нрав вновь заявил о себе: она нахмурилась, и выражение ее лица похолодело.

– Только попробуй еще раз всхлипнуть!

– Ик!

Услышав угрозу, плачущая в замешательстве Лянь-эр сразу притихла, а затем улыбнулась сквозь слезы, словно получила благую весть.

– Все порядке! Она снова прежняя! Тан-эр, с нашей барышней ничего не случилось! С ней все хорошо!

По непонятной причине Цзян Сюэнин вспомнила плоский анекдот про фразу «все хорошо», который рассказал Шэнь Цзе. Наверное, толковой хозяйки из нее так и не выйдет, а эту служанку, пожалуй, стоит при случае продать.

Глава 5. Се Вэй

Тан-эр, одетая в светло-зеленый жилет с боковыми разрезами, была на два года старше Лянь-эр и куда более рассудительной. Войдя в комнату с приглашением в руках, она сразу поняла, что барышня выглядит странно, и незаметно ущипнула вторую служанку. Та мгновенно замолчала, а Тан-эр аккуратно положила послание на столик и подошла к Цзян Сюэнин, чтобы помочь ей снять пропахшее вином платье.

– Вы не вернулись ночью, вот Лянь-эр и разволновалась. Я подумала: раз молодой господин хоу утром уйдет во дворец слушать лекции, вы, скорее всего, придете не позже полудня, поэтому велела заранее приготовить горячую воду. Примите ванну и отдохните. Похоже, вы ночью глаз не сомкнули.

Вот эта служанка и впрямь толковая. Цзян Сюэнин окинула ее внимательным взглядом. Эту девушку к ней тоже приставила госпожа Мэн. Способностей у Тан-эр хватало, но какой от них прок? Хозяйка-то с характером, к тому же потворствует льстецам, поэтому из всех своих талантов Тан-эр могла применить лишь малую толику.

– Тогда начну с купания.

Сейчас Цзян Сюэнин хотела избежать лишних разговоров. Убедившись, что Лянь-эр перестала всхлипывать, она решила не торопиться с ее продажей.

Как только все необходимое для омовения было готово, Цзян Сюэнин разделась и медленно опустилась в деревянную ванну, погрузив в теплую воду гладкие плечи и длинную изящную шею. В такие моменты проще всего ни о чем не думать. Она же, напротив, предпочитала в это время размышлять.

Цзян Сюэнин уже выяснила у Тан-эр, что сегодня седьмое число девятого лунного месяца. Выходит, фестиваль фонарей по случаю Праздника двойной девятки⁴⁰ еще впереди и она не успела, переодевшись мужчиной, отправиться туда вместе с Янь Линем. Не состоялась пока и встреча с принцессой Лэян, которая выберется из дворца на прогулку с Шэнь Цзе, а значит, можно избежать неловкой истории, когда та по недоразумению влюбилась в мнимого родственника господина Цзяна.

Судя по тому, что произошло на постоялом дворе, Цзян Сюэнин пока даже не искала внимания Шэнь Цзе. Тогда ей следует воздержаться от борьбы за приглашение во дворец и за место среди соучениц принцессы. А раз Янь Линь с мечом у пояса по-прежнему разъезжает верхом по столице, видимо, дом Юнь-хоу еще не втянут в заговор со сторонниками Пиннань-вана и в этой жизни она не успела сказать мальчишке, низринутому в кромешную тьму, самых жестоких слов...

Однако и радужной картину не назовешь. Одного только Янь Линя достаточно, чтобы голова пошла кругом. Юноша на пороге совершеннолетия влюбился в нее горячо и безоглядно, хотя она этого не заслужила. Он водил девушку по городу, защищал и умело сдерживал недовольство ее родных, покрывая сумасбродство и капризы возлюбленной. В прошлой жизни

---

⁴⁰ Праздник двойной девятки (*кит.* ###) – традиционный китайский праздник, отмечаемый девятого числа девятого месяца по лунному календарю. Цифра девять связана с энергией ян, а сочетание двух девяток ассоциируется с избытком ян, что считается опасным. Чтобы уберечься от бед, в этот день принято подниматься на горы, любоваться хризантемами, пить хризантемовое вино и носить травяные обереги.

Цзян Сюэнин об этом всерьез не задумывалась, но с тех пор она многое пережила и поняла, как устроен мир.

Глядя на дочь, которой выпала нелегкая доля, Цзян Бою, конечно, испытывал жалость и чувство вины, однако все знатные семьи жили по правилам и соблюдали приличия. Даже самые любящие родители не позволили бы благородной девушке разгуливать по городу в мужском обличье. Между тем в доме Цзян Сюэнин смотрели сквозь пальцы на ее шалости. Объяснение могло быть только одно: родители уже негласно приняли решение о ее замужестве. Дочери потакали не потому, что она вторая барышня из рода Цзян, а потому, что она невеста наследника титула Юньи-хоу.

Увы, эти брачные планы ожидал крах. Через два месяца на его семью обрушится беда, и в прошлой жизни Янь Линь так и не успел прийти со сватами в усадьбу Цзянов: накануне церемонии его совершеннолетия в доме Юньи-хоу прошел обыск, и имущество изъяли.

Цзян Сюэнин тихо прислонилась к краю ванны, моргнула и вспомнила юношу, воодушевленного и отважного, с искренним и сияющим взглядом, а потом – повзрослевшего Янь Линя, прославленного подвигами, и его ожесточенное лицо, мрачное и непроницаемое. На душе стало беспокойно. Связь между домом Юньи-хоу и сторонниками Пиннань-вана, поверженного много лет назад, действительно существовала. Однако в деле явно имелись некие тайные обстоятельства, иначе почему Янь Линь, вернувшись в столицу во главе войска, внезапно примкнул к предателю Се Вэю и принял участие в мятеже?

Первая жизнь Цзян Сюэнин оборвалась прежде, чем она успела разобраться в мотивах юноши. Что ж, посмотрим, как все обернется на этот раз... Как бы ни развивались события, оставаться в столице она не собиралась. Правда, Янь Линь уже успел в нее влюбиться, а значит, нужно придумать надежный способ расстаться с ним по-хорошему – так, чтобы наследник титула Юньи-хоу не озлобился и после своего возвращения не запер ее во дворце из мести. Заточение оказалось сущим кошмаром. Уж лучше уехать подальше от стен Запретного города.

Ведь как бы яростно ни боролись друг с другом столичные интриганы, поле их битвы всегда имело четкие границы. Даже если в императорском дворце кипели бурные страсти, разрушительный хаос не проникал за пределы Запретного города и народ Поднебесья благоденствовал. Проще дожидаться, пока хищники перегрызутся, а потом уж вернуться в столицу и зажить по-человечески. Заварушка продлится самое большее лет семь. Можно отправиться на поиски Ю Фаньинь, которая по торговым делам колесит по свету. Почему бы и нет?

Цзян Сюэнин понимала, что природа наделила ее житейской хитростью и умением играть на чужих чувствах, но ни великой мудрости, ни таланта управлять государством не дала. Она уяснила одно: больше всех при дворе следовало опасаться Се Вэя, негласного наставника императора под маской праведника. Противостоять ему было крайне рискованно: один неверный шаг – и ты уже мертв. В такую игру лучше не ввязываться. Стремиться к удаче и избегать бед – естественное желание каждого человека.

Все обдумав, Цзян Сюэнин позвала служанок, чтобы те помогли ей вытереться и одеться. Она выбрала сиреневое платье с тонким узором в виде вышитых белоснежных облаков, плывущих по подолу, и затянула пояс, подчеркнувший изящество тонкой талии. Подворачивая барышние рукава, Тан-эр снова заметила шрам длиной два цуня на внутренней стороне ее левого запястья и тихонько вздохнула:

– Мазь, которую купили месяц назад, почти закончилась. Кажется, след чуть посветлел. Через пару дней я куплю еще.

Цзян Сюэнин поглядела на свою руку. Косой шрам от запястья к ладони, глубокий у одного конца и постепенно сходящий на нет, остался у нее с тех пор, как четыре года назад она сама рассекла кожу кинжалом, чтобы выпустить кровь. Тогда удалось собрать почти полчашки.

Девушка медленно повернула руку ладонью вниз, и в глубине ее глаз промелькнул мрачный, едва различимый блеск. Ей оставалось только гадать, над кем именно смилоствивились

Небеса: над ней или над Се Вэем? Цзян Сюэнин дали возможность прожить жизнь заново, но лишь с того момента, когда она уже оказалась в столице. Если бы девушка вернулась в более далекое прошлое... если бы не нанесла тот порез... вероятно, тогда ее история сложилась бы проще. Увы, случившегося не изменить, и рассуждать об этом нет смысла.

Раз уж она решила покинуть столицу, чтобы избежать бед, прежде всего следовало подумать о деньгах.

– Принесите все мои ценности, – распорядилась Цзян Сюэнин. – Я хочу их пересчитать.

Обе служанки оторопели. Барышня никогда не вела счет вещам, к тому же быстро теряла к ним интерес: бывало, получит подарок от родителей или Янь Линя, наденет раз-другой, отложит в сторону и забудет. Вот среди слуг и нашлось несколько самых бессовестных, вроде той же Ван Син, которые прибирали к рукам украшения хозяйки. Лянь-эр и Тан-эр возмущались, но что толку? Цзян Сюэнин делала вид, будто не замечает, и никого не одергивала. А теперь вдруг решила все пересчитать...

Девушки переглянулись. Тан-эр сдержалась и промолчала, зато Лян-эр, с готовностью сжав кулачки, живо воскликнула:

– Сейчас принесем!

По воспоминаниям Цзян Сюэнин, за эти четыре года у нее накопилось немало ценностей. Но когда девушки собрали все и принесли, имущество барышни уместилось всего в два сундучка. Жемчуг, нефрит, золотые и серебряные украшения для волос – на первый взгляд вещи приличные, однако их слишком мало... Цзян Сюэнин взяла бусы из прозрачного турмалина, повертела их между пальцами, усмехнулась и положила обратно.

– Позовите всех. Всех до единого. И дворовую прислугу, и домашнюю.

Лянь-эр и Тан-эр ушли выполнять распоряжение. Прошло немало времени, прежде чем в комнате нехотя собралось семь или восемь служанок разного возраста. Они стояли в небрежных позах, поглядывали друг на друга, перешептывались и гадали: что это барышне вздумалось?

Цзян Сюэнин сидела на лежанке у окна, облокотившись на подушку из темно-желтой парчи. Она не спеша подняла со столика чашку и пригубила чай, молча наблюдая за всеми. Последней пришла Ван Син. Утром в галерее Цзян Сюэнин напугала ее почти до полусмерти, поэтому она с суетливым видом явилась на зов, натянуто улыбаясь:

– Дел невпроворот, а барышня вдруг позвала... Вы, видно, хотите дать важное поручение?

Цзян Сюэнин не собиралась тратить время на лишние разговоры. Она указала на два сундучка и спокойно произнесла:

– Нет, ничего важного. Просто вижу, что сундучки подозрительно опустели. Возвращайте все, что забрали.

Ван Син тут же переменялась в лице, остальные вздрогнули от неожиданности. В комнате воцарилась напряженная тишина, и глаза служанок забегали, хотя ни одна не проронила ни слова.

– Значит, никто ничего не брал? – усмехнулась Цзян Сюэнин.

Больше всех прикарманила, конечно, Ван Син, которая прекрасно знала, что в комнате почти нет чистых на руку. Все давно покрывали друг друга. Уверенная в безнаказанности, женщина шагнула вперед, делая вид, что возмущена до крайности:

– Что вы такое говорите, барышня? За что обижаете нас, верных служанок? Мы, молодые и старые, преданы вам всей душой, трудимся ради вас. Кто же из нас посмеет взять вещи госпожи?

Цзян Сюэнин ее слушать не стала и обратилась к остальным:

– Вы тоже так думаете?

Те снова переглянулись. Кто же будет на себя наговаривать? Всем известно, что вторая барышня никогда не вела счет вещам. Даже если выяснится, что чего-то не хватает, этого ведь недостаточно, чтобы обвинять без улик. Признается только глупец – эта простая истина всем была понятна.

Про себя служанки решили, что Цзян Сюэнин вспыхнула, потому что пропало слишком много драгоценностей. И все же, зная нрав хозяйки, которая лишь с виду грозная, а на деле пустышка, они не сомневались, что до скандала не дойдет, поэтому на вопрос барышни никто долго не отвечал.

Затем вперед выскользнула молоденькая служанка с острым личиком и поддержала Ван Син:

– Барышня, вы как всегда: сперва говорите, потом думаете! Ни с того ни с сего обвиняете нас, а мы ведь работаем не покладая рук. До чего же обидны ваши слова!

Цзян Сюэнин не рассердилась.

– Ладно, – спокойно произнесла она, встала, небрежно взмахнула рукой и направилась к двери.

Все замерли в полном недоумении. Больше всех удивилась Ван Син: где же споры, крики и ругань? Почему девушка просто уходит? Сердце, не успев успокоиться, тревожно заняло.

– Барышня, вы куда?

Но та уже вышла из комнаты. Ван Син прислушалась, пытаясь понять, в какую сторону направилась хозяйка. Вдруг ее лицо резко изменилось: это же дорога напрямик к кабинету господина!

* * *

Все, что нужно было узнать, Цзян Сюэнин уже поняла: сейчас от служанок толку не добиться. Она бы могла и сама их прижать, да не хотела тратить время на дразги. Зачем устраивать склоки на женской половине? Пусть отец решает проблемы, и побыстрее, нечего тянуть.

Госпожа Мэн не питала особой привязанности к дочери, которую воспитала наложница. К тому же та часто вела себя вызывающе, нарушая приличия. Зато Цзян Бою относился к ней хорошо: возможно, из-за Янь Линя или же попросту был слишком мягок. Чтобы проучить служанок, хватит одного его слова, разве что пришлось бы коротко объяснить, в чем дело, но с этим Цзян Сюэнин справится легко, поэтому чувствовала себя уверенно.

Кабинет Цзян Бою находился в восточном углу переднего двора, скрытый в густой тени старых акаций. В приемной у двери стоял Чан Чжо, юноша в зеленом одеянии из числа личных слуг отца, а вдоль стены тянулся ряд из четырех стульев, и на последнем сидел рослый мужчина в темно-синем повседневном мундире Тайной стражи и с жетоном на поясе. Лицо у него было вполне заурядное, но в ястребином взгляде сверкал хищный блеск и чувствовался холодный рассудок. При виде Цзян Сюэнин он сразу встал и сложил руки в сдержанном поклоне.

– Приветствую вторую барышню.

Чжоу Иньчжи. В прошлой жизни Цзян Сюэнин он дослужился до поста командующего Тайной стражей – должности, дававшей право распоряжаться ведомственной печатью. При дворе его за глаза называли «трижды перебежчиком».

Он был всего лишь сыном слуги в усадьбе Цзянов. Когда матушку Вань сослали в дальнее поместье в Тунчжоу, семью мальчика отправили вместе с наложницей. Повзрослев, он помогал по хозяйству, выполнял тяжелую работу, худо-бедно выучился грамоте у деревенского учителя и прочел кое-какие книги. Когда за Цзян Сюэнин приехали из столицы, она попросила Чжоу Иньчжи ее сопровождать, чтобы было на кого опереться. Тот выдвинул единственное условие: замолвить за него словечко перед господином. Цзян Сюэнин согласилась. Так после прибытия в столицу Чжоу Иньчжи стал служить Цзян Бою. Тот, убедившись в его рассудительности и

надежности, спустя два года устроил юношу в Тайную стражу на должность младшего надзирателя⁴¹. Молодой человек оказался способным и быстро дослужился до чина шестого ранга – сотника⁴². Если Цзян Сюэнин не изменяла память, в прошлой жизни спустя месяц она поручила Чжоу Иньчжи выяснить, кто такой Шэнь Цзе. В ответ тот поставил условие: познакомить его с наследником Юньи-хоу, Янь Линем.

Как говорится, благородные люди сходятся по убеждениям, а мелочные – из корысти. Союз между Цзян Сюэнин и Чжоу Иньчжи строился на взаимной выгоде, каждый получал свое: она – сведения, он – повышение. Еще до падения дома Юньи-хоу мужчина воспользовался случаем и получил чин пятого ранга – должность помощника тысячника⁴³. Позже, когда Цзян Сюэнин вышла замуж за Шэнь Цзе, тот приблизил к себе Чжоу Иньчжи и начал давать ему поручения, а после восшествия принца на трон сын простолюдина стал доверенным лицом самого императора. В конце концов он дослужился до поста командующего Тайной стражей, которая под его началом добилась того же влияния, каким пользовался Восточный департамент⁴⁴, сыскное ведомство под контролем дворцовых евнухов.

Чжоу Иньчжи успел сделать многое – и должное, и запретное – и превратился в одну из заметных фигур при дворе. Увы, конец его был трагичен. Как только Се Вэй вышел из тени и сосредоточил власть в своих руках, то сразу же приказал казнить Чжоу Иньчжи. Мужчину изрешетили стрелами, а голову прибили тремя длинными железными гвоздями к воротам Запретного города в назидание гражданским и военным чиновникам. Цзян Сюэнин не видела казни, но, слушая дворцовые пересуды, ощущала, как по спине пробежал холодок.

Кстати, именно Тайная стража вела дело о причастности отца Янь Линя к заговору выживших сторонников Пиннань-вана. Мысль об этом промелькнула в голове Цзян Сюэнин и вмиг исчезла. Она задержала взгляд на Чжоу Иньчжи, однако не поклонилась в ответ, ограничившись равнодушным кивком.

– Отец у себя? – обратилась она к Чан Чжо.

– В кабинете. Но у него гость, – ответил тот.

Цзян Сюэнин нахмурилась, как вдруг вспомнила, что в юности отличалась строптивым нравом, и заявила:

– Неважно. Мои служанки совсем распоясались! Воруют, покрывают друг друга, да еще надо мной насмеваются. Передай отцу: мне нужно только его слово – и я сама разберусь с ними!

Чан Чжо невольно смутился, однако, зная нрав второй барышни, набрался решимости, отодвинул тяжелую занавесь и вошел в кабинет. Цзян Сюэнин уселась на стул, а Чжоу Иньчжи стоял в стороне, изредка поглядывая на девушку.

В кабинете Цзян Бою как раз заваривал гостю чай. Отцу Цзян Сюэнин было лет сорок, вид он имел достойный и представительный. Благородное лицо с чертами ученого украшала ухоженная борода. Услышав, что его зовет дочь, он нахмурился:

– Опять балуется.

Чан Чжо покосился на гостя, сидящего напротив, и смущенно пояснил, понизив голос:

– Вторая барышня жалуется, что служанки в ее покоях ведут себя неподобающе... воруют...

⁴¹ Младший надзиратель (*кит. ##*) – младшая офицерская должность в структуре Тайной стражи, соответствующая чину седьмого ранга.

⁴² Сотник (*кит. ##*) – младший офицерский чин в структуре Тайной стражи, который руководил отрядом примерно в сотню человек и подчинялся тысячнику.

⁴³ Тысячник (*кит. ##*) – офицер среднего звена в структуре Тайной стражи, номинально – «начальник тысячи дворов/бойцов»; фактически – командир подразделения, стоявший в иерархии ниже помощника командующего и выше сотника.

⁴⁴ Восточный департамент (*кит. ##*) – сыскное ведомство времен династии Мин (1368–1644), подконтрольное дворцовым евнухам и занимавшееся надзором за чиновниками и расследованием заговоров. Располагался в восточной части Запретного города. В отличие от Тайной стражи, не подчинялся Палате военных дел.

Слуга шепотом рассказал все по порядку. Цзян Бою неожиданно просиял, даже глаза загорелись.

– Она правда так сказала?

Чан Чжо кивнул, а хозяин хлопнул в ладоши и рассмеялся:

– Удивительно! Эта девчонка наконец поумнела! Или, чего доброго, так разозлилась, что соображать начала. Ее служанки совсем распустились – госпожа уже много раз жаловалась. Я хотел разобраться, да повода не было. Беги скорее туда и зови всех ко мне! Только поторопись, пока дочка не передумала, а то потом не позволит их тронуть!

Увидев, как воодушевился хозяин, Чан Чжо едва не вспотел от неловкости, а Цзян Бою, не замечая своей горячности, обернулся к собеседнику:

– Цзюйань, прости, придется немного подождать. У нас тут мелкие домашние неурядицы. Наведу порядок и сразу вернусь.

– Пустяки, – мягко улыбнулся гость.

Глава 6. Юношеские чувства

Сидя в приемной, Цзян Сюэнин размышляла о Янь Лине, Чжоу Иньчжи и событиях прошлой жизни и поэтому не прислушивалась к разговорам в кабинете. Только когда зашуршала занавесь, она подняла голову и увидела, что к ней вышел Цзян Бою. Девушка тотчас встала, чинно поклонилась, поприветствовала отца и добавила:

– Прости, что потревожила из-за такой мелочи... Мне стыдно, что я сама не справилась. Он был в прекрасном расположении духа и отмахнулся с довольной улыбкой:

– Твои служанки совсем от рук отбились, да и ты ведешь себя не по-хозяйски. Давно бы могла...

– Кхм-кхм! – деликатно откашлялся Чан Чжо, и Цзян Бою бросил на него быстрый взгляд.

Тот еле заметно покачал головой, и господин Цзян понял намек.

Дочь вернулась домой четыре года назад. Все видели, какой она выросла, так неужели Сюэнин не знала, что ее служанки нечисты на руку? Разумеется, знала. Но что бы они ни творили у нее за спиной, в глаза по-прежнему почтительно величали ее второй барышней, окружали вниманием и заботой, словно она единственная и неповторимая, вот дочь и потворствовала льстецам. Как-никак в столицу девочка приехала из дальнего поместья, и после смерти матушки Вань близких у нее не осталось, а с госпожой Мэн отношения не заладились. Во всей столице не было ни одного знакомого лица.

Цзян Бою же, как чиновник третьего ранга, вдобавок занимавший не последнюю должность в одном из важнейших ведомств – Палате финансов, знал свое дело, хорошо разбирался в людях и, конечно же, понимал собственную дочь. Пусть с виду та избалована и капризна, на деле она хрупкая и уязвимая, а чем слабее человек в душе, тем сильнее нуждается во внешней опоре. Поэтому, даже замечая, как девушка потакает служанкам, Цзян Бою призывал господжу Мэн воздержаться от резких шагов. Он опасался, что неосторожное вмешательство ранит Сюэнин, та обидится и решит, что против нее ополчился весь дом.

Отец не знал, что вывело дочь из себя, но, раз она вздумала навести порядок, не стоило показывать свою заинтересованность. Будет лучше, если та проявит самостоятельность, ведь, как только он начнет суетиться и распекать ее служанок, Сюэнин может пойти на попятный. Увидит, что виновных уже отругали, ее гнев поутихнет, и все вернется на круги своя. Иногда, чтобы перейти в наступление, следует отступить, поэтому Цзян Бою внезапно сменил тон:

– Впрочем, ты всегда их защищала. Наверное, они хорошо тебе служат. Воровство среди прислуги – дело обычное, приходится с этим мириться. Зачем поднимать шум и бежать ко мне за справедливостью? Сама бы по-тихому уладила недоразумение, и все.

Вот как искусно и ловко мужчина направил разговор в нужное русло.

Цзян Сюэнин внимательно посмотрела на Цзян Бою, поняла ход его мыслей и направилась к выходу со словами:

– Ты прав, отец. Я поступила неразумно. Вернусь и все улажу.

– Эй-эй! погоди!

Такого ответа Цзян Бою не ожидал. Он-то рассчитывал, что после его рассуждений в защиту прислуги Сюэнин рассердится еще сильнее и потребует для виновных сурового нака-

зания. Глава дома растерялся. Видя, что дочь вот-вот уйдет, и не успев толком подумать, мужчина поспешно схватил ее за руку и примирительно улыбнулся:

– Ну что ты. Раз уж пришла, как я могу отправить тебя обратно? Подумай: я ведь служу в Палате финансов, а значит, на дух не переношу воровство. Если в доме порядок не наведен, как управлять государством? Я не позволю, чтобы ты терпела обиду!

«Так бы сразу и сказал! Зачем было разыгрывать спектакль с отступлением ради наступления? Ох уж этот отец...»

Губы Цзян Сюэнин едва заметно дрогнули в улыбке. Однако вместе с радостью, которая редко ее посещала, в глубине души зашевелилась тихая неизъяснимая грусть.

В прошлой жизни еще до замужества, даже если служанки вели себя неподобающе, до серьезных неприятностей дело не доходило. Когда возникали проблемы, стоило только пожаловаться Янь Линю, и тот помогал все уладить. Потом она вышла за Шэнь Цзе, который обращался с женой хорошо, но не вникал в каждую мелочь. К тому же, угодив в такое опасное место, как императорский дворец, Цзян Сюэнин поневоле научилась справляться с трудностями и обращаться с людьми, обрела рассудительность и сдержанность. Новая Цзян Сюэнин была уже совсем не той, что прежде.

Цзян Бою пригляделся и заметил в дочери нечто новое.

– Раньше ты с прислугой обходилась слишком... хм... мягко. Мы с матерью даже тревожились. А теперь вдруг переменялась. Почему? – удивился он.

Цзян Сюэнин и сама понимала, что нужно придумать своему поступку внятное объяснение. Она спокойно подняла глаза и без малейшего смущения ответила:

– Янь Линь научил.

«Хм... Тот самый паршивец, который вечно лазил в усадьбу через ограду...»

Цзян Бою погладил бороду, тихонько хмыкнул и принял задумчивый вид.

Вскоре во двор привели служанок. Они были бледны и дрожали, будто от холода. Не желая беспокоить гостя, который ждал в кабинете, Цзян Бою велел вынести два стула под навес у входа в приемную, а всем провинившимся – встать во дворе на колени. Такая сцена не могла остаться незамеченной, и в усадьбе быстро зашептались. Из-за углов и колонн галереи высунулись головы любопытствующих.

Служанок во главе с Ван Син ошеломило происходящее. Всего за один час хозяйка, которую они раньше умело водили за нос, сначала вызвала всех к себе и без предисловий потребовала вернуть украденное. Едва они начали отпираться, думая, что Цзян Сюэнин хотя бы выслушает объяснения, прежде чем наказать их, как вдруг барышня просто пожаловалась отцу, и теперь они все стоят во дворе на коленях. Самым плачевным было состояние Ван Син: она еще не успела оправиться от испуга после истории с браслетом. Вторая барышня, которая прежде не доставляла хлопот, вдруг стала вести себя непредсказуемо. Никто не мог понять, о чем она думает и почему так резко переменялась, а теперь за ее спиной стоял сам Цзян Бою.

Цзян Сюэнин подала знак Лянь-эр:

– Принеси два больших сундука.

Та подчинилась и по указанию барышни поставила их на землю. Цзян Сюэнин взяла чашку из рук Чан Чжо, тихонько подула на горячий чай, отпила глоток и медленно произнесла:

– Я уже все сказала. Если кто-то брал мои вещи, лучше вернуть их сейчас. Тогда я не буду ворошить прошлое.

Во дворе повисла мертвая тишина: все смотрели на служанок, глава семьи тоже внимательно наблюдал за ними. Ван Син даже рта не посмела открыть. Одна из девиц слегка подтолкнула ее локтем в спину, но женщина не проронила ни звука, мысленно дав себе обещание: выбраться из передраги и разобраться с дерзкой малявкой.

Видя, что все молчат, Цзян Сюэнин усмехнулась, однако ничего не добавила. Служанки стояли на коленях, а она сидела на стуле и пила чай с пирожными – зачем торопиться?

Двор был вымощен серо-зелеными каменными плитами, и хотя здешняя прислуга не жила в роскоши, но к настоящим лишениям не привыкла, да и кожа на женских коленях нежная. Сначала они терпеливо стояли, однако вскоре устали и заерзали. Переноса вес с ноги на ногу, служанки стали покачиваться. На их спинах и лбах выступил пот.

Наконец одна из девиц не выдержала и в отчаянии ударилась лбом о каменную плиту, изображая обиду:

– Барышня, это несправедливо. Разве мы не старались изо всех сил, чтобы угодить своей хозяйке, разве не стремились радовать? Зная ваш нрав, кто бы посмел вести себя неподобающе у вас под носом? Это же все равно что себе приговор подписать! Мы-то думали: раз сами к вам со всей душой, то и вы к нам по-доброму. А барышня ни с того ни с сего обвиняет нас в воровстве! Если бы вы предъявили хотя бы счетную книгу, мы бы еще стерпели. Но ведь всем известно, что юная госпожа не следит за своими вещами. Этим занимались мы. Сегодня вы скажете, что в сундуке чего-то недостает, завтра – что лишнее появилось. Все держится на вашем слове. Мы же из бедных семей – где нам взять деньги, чтобы возместить такие убытки?

Вот так умелица языком молоть! Ловко же черное с белым спутала! Цзян Сюэнин сразу узнала девицу, что перечила ей в покоях. Если бы не было жалко собственных рук, изящных и нежных, давно бы отвесила бесстыднице пару звонких пощечин. Та ведь точно знала, что хозяйка никогда не следила за вещами, и пыталась выставить барышню виноватой. Капризный нрав Цзян Сюэнин был хорошо известен, а слово толпы, как говорится, золото плавит. Если пойдет молва, что вторая барышня оклеветала собственных слуг, той вовек не отмыться.

Цзян Сюэнин с усмешкой прищурилась.

– Нужны доказательства? – прозвучал ее размеренный голос. – Раньше я вас терпела, думая, что вы хоть понимаете, кто в доме хозяйка. А теперь совсем осмелели и даже спорить со мной не боитесь. Уверены, что я не веду счет вещам?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.